

Методы науки

июнь (6) 2019

В номере:

- Транспортная инфраструктура Китая
- Использование информационных технологий в дорожном движении в Китае
- Институт доверенности в Сирийской Арабской республике
- Анализ существующих проблем в сфере организации перевозок школьников и другое...

МЕТОДЫ НАУКИ

Научно-практический журнал
№6 / 2019

Периодичность – один раз в месяц

Учредитель и издатель:
Издательство «Инфинити»

Главный редактор:
Хисматуллин Дамир Равильевич

Редакционный совет:

Д.Р. Макаров
В.С. Бикмухаметов
Э.Я. Каримов
И.Ю. Хайретдинов
К.А. Ходарцевич
С.С. Вольхина

Корректурa, технический редактор:
А.А. Силиверстова

Компьютерная верстка:
В.Г. Кашапов

Опубликованные в журнале статьи отражают точку зрения автора и могут не совпадать с мнением редакции. Ответственность за достоверность информации, изложенной в статьях, несут авторы. Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Методы науки», допускается только с письменного разрешения редакции.

Контакты редакции:

Почтовый адрес: 450000, г.Уфа, а/я 1515
Адрес в Internet: www.naukarus.ru
E-mail: mail@naukarus.ru

© ООО «Инфинити», 2019.

ISSN 2541-8041

Тираж 500 экз. Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лю Юй

Транспортная инфраструктура Китая.....	5
--	---

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мухаметшин С. М.

Правовые основы противодействия коррупции в правоохранительных органах.....	7
---	---

Саллум И., Саргсян Г. А.

Институт доверенности в Сирийской Арабской республике.....	8
--	---

Аванесянц А. С., Газзаева М. Т.

Заключение двусторонних международных договоров об иностранных инвестициях: новые подходы Российской Федерации.....	10
---	----

Аванесянц А. С., Газзаева М. Т.

О статусе международных договоров в правовой системе Российской Федерации: от теории к практике.....	15
--	----

Бзаров А. Т., Газзаева М. Т.

Управления акционерными обществами с государственным участием.....	22
--	----

Бзаров А. Т., Газзаева М. Т.

Проблемы участия государства в акционерных обществах и управления ими: правовой аспект.....	27
---	----

Бязров С. В., Газзаева М. Т.

Гражданско-правовой механизм охраны частных, общественных и публичных интересов авторским правом.....	32
---	----

Бязров С. В., Газзаева М. Т.

О гражданско-правовом и международно-правовом режимах охраны имущества Российской Федерации, находящегося за рубежом.....	37
---	----

Джиоев С. В., Газзаева М. Т.

Развитие саморегулируемых организаций в России.....	40
---	----

Джиоев С. В., Газзаева М. Т.

Государственная политика приоритетного развития саморегулируемых организаций.....	44
---	----

Плиева К. В., Газзаева М. Т.

Правовая природа процессуального договора.....	50
--	----

Плиева К. В., Газзаева М. Т.

Источники международного гражданского процессуального права	53
---	----

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Солодовченко И. Ю., Чэнь Цзывэй

Анализ существующих проблем в сфере организации перевозок школьников.....	57
---	----

Феофилова А.А., Лю На.

Использование информационных технологий в дорожном движении в Китае.....	61
--	----

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

Boltaev N. Sh., Hajieva Z. B.

Improving the mechanisms for managing multi-sectoral farms in the development of the agrarian sector.....	63
---	----

Транспортная инфраструктура Китая

Лю Юй

магистр кафедры Организации перевозок и дорожного движения
Донской государственной технической университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

1. К вопросу современной ситуации в развитии транспортной структуры в Китае

Налаженное функционирование городской транспортной системы важно для производственной, социальной и экономической сферы любой страны и любого города. В Китае эта проблема стоит наиболее остро, поскольку в обеспеченности отлаженной работы транспортного инфраструктурного модуля существует немало противоречий как законодательного характера, так и институционально-организационных моментах управления собственно системой ГПТ (городского пассажирского транспорта).

В последние десятилетия развитие ГПТ Китая получил неоспоримый быстрый рост, но существует ряд проблем, связанных, прежде всего, с перегруженностью дорог транспортными единицами. Как власти Китая пытаются решить эту сложную задачу?

Совершенствуется государственный механизм инвестирования в транспортную отрасль, а именно в активное строительство новых дорог. Благодаря этому развитие дорожной инфраструктуры в каждом городе Китая достигло значительных успехов. Особенно это показательно в сравнении с угрожающей формой кризиса субстандартной ипотеки в США, не позволяющей инвестировать в большом объеме государственные отрасли производства. Центральный Комитет партии КНР и Государственный Совет нашей страны, в частности, наоборот, активизировали свои усилия по обеспечению стабильной экономики всей транспортной отрасли.

Государственные инвестиции являются приоритетной целью. Но несмотря на это, следует сказать и о возникающих в этой связи проблемах. С одной стороны, чрезмерная концентрация развития отдельной системы (в данном случае транспортной) и повсеместное строительство новых дорог приводит к резкому увеличению количества строительных площадок в городе и вызывает серьезные пробки на тех же дорогах (перегруженность дорог техническим транспортом, ограничение для движения магистралей и дорожных полос вследствие проводимых ремонтных работ и т.д.).

Кроме того, из-за строительных работ ухудшается и так неблагоприятная экологическая ситуация: большое

количество пыли оседает в городах в виде смога, что приводит к катастрофическим последствиям в обеспечении жизнедеятельности городских жителей.

Поэтому власти требуют, чтобы все проекты, связанные с ремонтными работами и строительством новых транспортных магистралей, были завершены оперативно. Но такие проекты, как показывает практика, очень «незрелые» с точки зрения общего планирования и процесса их реализации. Короткий период строительства ни одна строительная компания не гарантирует, или же это приводит к снижению качества проводимых дорожно-ремонтных работ.

Следующей проблемой является слишком быстрый рост приобретения личного транспорта гражданами КНР. Каждая семья теперь имеет в своем владении не одну, а две и даже три машины. С 21 века международный автомобильный рынок был полностью либерализован, и цены на автомобили снижаются снова и снова. Кроме того, активно развивается отрасль производства китайских автомобилей. В сочетании с тем, что страна решительно поддерживает покупку частных автомобилей китайского производства, в последние годы количество частных автомобилей в нашей стране быстро растет, что приводит к серьезным перегрузкам в городском движении.

2. Анализ теорий по совершенствованию транспортной инфраструктуры.

В настоящее время существует три типа мер, чтобы управлять заторами: стабилизировать спрос, увеличивать предложение и совершенствовать управление. Для стабильного спроса необходимо внедрение транспортного управления спросом, уменьшить заторы. Для увеличения предложения необходимо пункт развития общественного транспорта и расширение возможностей обслуживания. Для совершенствования управления необходимо применение интеллектуальной транспортной системы.

Управление транспортным спросом — это сбалансировать спрос и предложение путём сокращения или диверсификации спроса, обеспечить эффективную работу транспортной системы. По сравнению с традиционным пассивным управлением, управление транспортным

спросом - это упреждающее управление, влияющее на выбор участников движения транспорта, времени, места, маршрута и т. д. С помощью таких средств, как взимание дорожных сборов, поддержание баланса спроса и предложения. Сбор за затора и ограничения проходить к номерным знакам - это используйте более широкий и лучший эффект двух методов управления транспортным средством.

Применяется сборы за затора на дороге - для некоторых участников дорожного движения взимается плата, «в час пик». Цель состоит в том, чтобы сократить общее число машины, «в час пик», сократить количество заторов. Сегодня, сборы за затор успешно применяются в Сингапуре, Лондоне и других городах.

Ограничения применяются к номерным знакам. Запретие прохождение машин определенного типа номерного знака, в указанное время и район. Цель мероприятия - использовать административные методы для ограничения движение машин, таким образом сократятся потоки транспорта, уменьшится количество заторов. Город Пекин является одним из наиболее успешных городов, использующих ограничения по номерным знакам, для въезда в определенные районы в определенное время.

Интеллектуальная транспортная система включает информацию, электронную связь, автоматическое управление, компьютерные и сетевые технологии, используется в системе управления транспортом.

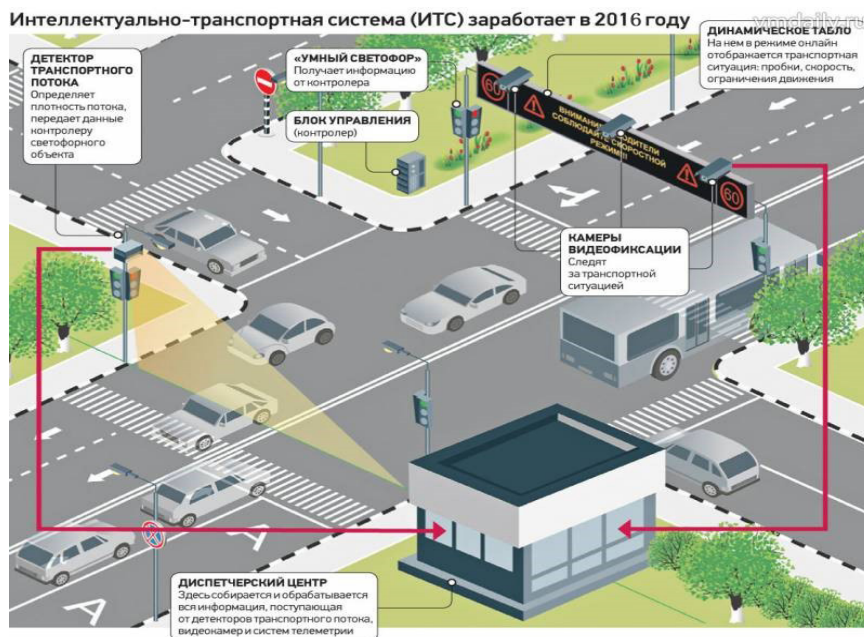

Рис 2. Интеллектуальная транспортная система

"Автоматическая система регулирования движения" основана на ситуации, которая возникла на дороге, с помощью светофора автоматически можно настроить движение по дороге. Эта мера увеличила скорость дороги на 35% и уровень аварийности на 25%.

Заключение

Стратегическое положение транспорта в градостроительстве чрезвычайно важно. Развитие городского транспорта должно адаптироваться к развитию экономического общества. Современная городская транспортная система должна входить в новую эру с информацией как целью. Быстрая, удобная, удобная и эффективная городская транспортная система, включающая системы дорожно-

го строительства, пассажирских и грузовых перевозок, а также управление движением транспорта является важным показателем текущего уровня модернизации городов. Проблема городского транспорта - это всеобъемлющая проблема, связанная с социальной экономикой, городским планированием, системой управления, политикой и нормативными актами. Решение проблемы городского транспорта - это долгосрочная стратегия развития. Конечной целью является достижение устойчивого развития городского транспорта и самого города. Как указывалось в начале этой статьи, города должны улучшить жизнь. Город не построен для экономики. Он не построен для автомобиля, он должен быть построен для людей.

Список используемых источников

- [1]. Исследование по устойчивому развитию планирования городского транспорта, Zhang Tiefu, Song lei. - Хэйлунцзян, 2011.
- [2]. Планирование городского транспорта должно быть как более рациональным, так и перспективным. Li Yuhong // Юго-восточная университетская газета, 2007.
- [3]. Контрмеры для устойчивого развития городского транспорта в Китае. He Jianzhong. - Пекин, 2010.

Правовые основы противодействия коррупции в правоохранительных органах

Мухаметшин Салават Марселевич

магистр

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП)»

г. Набережные Челны, Республика Татарстан

Все страны и слои общества заинтересованы в том, дабы работа правоохранительных органов строилась в согласовании с принципами законности и соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Соблюдение обозначенных основ разрешает соблюсти баланс интересов всех членов общества, создает конкретную прочность и работает залогом защиты от произвола. Как раз в следствие этого работа правоохранительных органов всякий раз обязана находится под пристальным взором государства.

Правовую базу противодействия коррупции в правоохранительных органах оформляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, общепринятые основы и общепризнанные меры интернационального права и международные договоры Российской Федерации, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, а еще нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты других федеральных органов гос власти, нормативные правовые акты органов гос власти субъектов Российской Федерации и городские правовые акты.

Информационное обеспечение реализации законодательства в области противодействия коррупции в правоохранительных органах имеет возможность под-ключать надлежащие меры:

1. Информирование населения о работы правоохранительных органов, в что количестве о формировании и работы комиссий по соблюдению притязаний к казенному поведению служащих данных органов.

2. Периодическая объявление информационных материалов об отрицательном воздействии коррупции на

социально-экономическое становление государства и области.

3. Проведение общественных информационных событий для обсуждения задач противодействия коррупции в правоохранительных органах, обобщения и распространения положительного навыка антикоррупционного поведения.

4. Обеспечивание свободы средств глобальной инфы в получении и распространении инфы о коррупции в правоохранительных органах, а еще сведений о доходах, об имуществе и обещаниях имущественного нрава служащих обозначенных органов.

5. Организация телефонных аппаратов доверия в муниципальных органах для получения извещений о прецедентах коррупции в правоохранительных органах и дальнейшего реагирования на них.

6. Создание интернет-страниц на официальных веб-сайтах муниципальных органов в целях информирования населению о прецедентах коррупции в правоохранительных органах и принятых по ним мерах, событиях по противодействию коррупции в обозначенных органах.

7. Внедрение антикоррупционной рекламы, направленной на пропаганду неблагоприятного отношения в обществе к проявлениям коррупции. К огорчению, антикоррупционная модернизация действующего законодательства не закончена. Это же имеет возможность случится и на этапе правоприменения и на региональных уровнях и т.п. Нужно видеть очевидные пробелы и в том числе и кое-какие недостатки нового законодательства и добиваться их устранения.

Институт доверенности в Сирийской Арабской республике

Саллум Ильяс

студент кафедры гражданского и международного частного права
Волгоградского государственного университета (базовой кафедры ЮНЦ РАН)

Саргсян Грачик Ашотович

студент кафедры гражданского и международного частного права
Волгоградского государственного университета (базовой кафедры ЮНЦ РАН)

В Сирийской Арабской республике (САР) доверенность представляет собой своего рода контракт, не предназначенный для создания прямого обязательства. Целью доверенности является передача представителю (агенту) полномочий, необходимых для представления доверителя (клиента) в государственных органах.

Важность доверенности обусловлена обилием и разнообразием ежедневных отношений между людьми в современном мире, в котором существует множество правовых споров.

В законодательстве САР доверенность определяется как договор, по которому агент обязуется выполнять работы на благо клиента.

Институт доверенности в Сирии имеет следующую характеристику:

□ Доверенность всегда связана с работой в области права, другими словами, задачи, возложенные на агента, заключаются главным образом в представлении интересов клиента, а не в выполнении материальных действий, коими являются трудовые и хозяйственные отношения.

□ Выдача доверенности не порождает для сторон каких-либо обязательств, следовательно, доверитель имеет право отозвать доверенность у представителя в любой момент также, как и представитель может отказаться от доверенности.

Законодательством САР к содержанию доверенности предъявляются определенные требования.

Как упоминалось выше, доверенность в праве Сирии является договором. Договор доверенности имеет свои существенные условия.

Существенными условиями договора доверенности в Сирийской Арабской республике являются:

□ Предмет доверенности. Должно быть четко указано какие именно юридические действия совершаются агентом в пользу клиента.

□ Наличие согласия клиента. При заключении договора доверенности обязательно наличие соответствия оферты агента с акцептом клиента по предмету и элементам договора.

□ Наличие условия о вознаграждении агента.

Представитель может осуществлять свои услуги на безвозмездной основе, однако, такое условие должно быть обязательно обговорено договором.

Право Сирии подразделяет доверенность на явную (подразумеваемую) и неявную.

Неявная доверенность. Согласно ст. 769 Гражданского кодекса Сирии (ГК САР) доверенность считается неявно принятой при реализации представителем полномочий, имеющихся в доверенности.

Доверитель выписывает доверенность, подписывает ее и отправляет представителю, а затем представитель исполняет ее. Такое исполнение считается неявным согласием.

В качестве примера можно привести доверенность, выданную пациентом лечащему врачу в целях осуществления лечения, которое включает в себя получение и медицинское исследование анализов.

Неявная доверенность отличается от устной и видимой доверенности.

В устной доверенности выражение согласия словесное, а в неявной доверенности согласие вытекает из определенных обстоятельств и фактов.

Явная доверенность. Доверенность является согласованным договором, она может быть выражена в устной форме, в случаях, требующих письменного доказательства, стороны могут использовать специальную подпись.

Однако, существуют случаи в которых форма договора прямо регламентирована законом и отступление от такой формы приведет к ее ничтожности. Примером является доверенность, выданная адвокату.

Согласно ст. 772 ГК САР доверитель должен обладать полной правоспособностью в отношении предмета договора доверенности, в противном случае юридические действия, совершенные представителем, не будут иметь правовой силы.

В случаях, когда представитель осуществляет юридически значимые действия в пользу доверителя, у которого отсутствует правоспособность в отношении предмета доверенности, то сторона, которая пострадает от такой сделки имеет право требовать компенсации

с доверителя.

Согласно ст. 772 ГК САР представитель не должен обладать правом владения, пользования и распоряжения имуществом, в отношении которого он будет совершать юридически значимые действия, так как данные действия совершаются в пользу клиента, который такими правами обладает.

При заключении договора доверенности, должно присутствовать прямое волеизъявление сторон. При установлении наличия ошибки, обмана, принуждения или несправедливости при заключении договора доверенности, все последствия совершенных юридических действий аннулируются.

Предмет доверенности согласно ст. 773 и ст. 773/1 может быть трех видов:

- Возможный предмет (сюда относятся все объекты, не изъятые из гражданского оборота.)
- Определенный предмет (предмет договора доверенности точно указан)
- Законный предмет (предмет договора доверенности должен соответствовать закону САР и общепринятым нормам морали)

Согласно ст. 776 ГК САР доверенность может быть общей и особенной.

Общая доверенность используется в бизнесе, она уполномочивает представителя осуществлять управление бизнесом доверителя.

Данная доверенность имеет широкое распространение на территории САР и дает представителю полномочия распоряжаться и управлять имуществом доверителя. Такие доверенности требуют обязательного заверения у нотариусов, так как дают представителю широкие полномочия.

Общая судебная доверенность заверяется нотариусом и дает агенту представлять интересы доверителя в суде. Благодаря такой доверенности, представитель имеет право осуществлять от имени доверителя все юридически значимые действия во всех судах Сирии. (ст. 380 ГК САР)

Особенная доверенность согласно ст. 777 ГК САР представляет собой документ, который уполномочивает представителя совершать конкретно обозначенные юридически значимые действия.

Список использованной литературы:

- 1 يروسى او يرصمى او ينانبللى نوناقى اب عيىبى دق ع ناطلس رونا
- 2 ةيراق عىل ةمظنالى دى ع راودا
- 3 ةيراق عىل ةمظنالى باى د دعسا
- 4 ةيراجتلى ةسسؤملى يف راجالى قح ىتم ةراشب
- 5 ةيروسلى ةيىب عىل ةيروم جلىل ىندملى نوناقى

Заключение двусторонних международных договоров об иностранных инвестициях: новые подходы Российской Федерации

The conclusion of bilateral international treaties on foreign investment: the new approach of the Russian Federation

Аванесянц Альберт Сергеевич

магистрант Северо-Кавказского Горно-Металлургического Института, кафедры
предпринимательского и трудового права

Газзаева Мадина Тотрбековна

к.п.н., доцент, кафедры предпринимательского и трудового права

Albert S. Avanesyants, master's student of the North Caucasus Mining And Metallurgical
Institute, Department of business and labor law

Gazzaev Madina Turakova, Ph. D., associate Professor, Department of entrepreneurial and
labour law

Статья посвящена анализу новых подходов к заключению двусторонних международных договоров об иностранных инвестициях. Автор рассматривает критерии целесообразности заключения международных договоров об инвестициях.

The article is devoted to the analysis of new approaches to the conclusion of bilateral international treaties on foreign investment. The author considers the criteria of expediency of the conclusion of international treaties on investments.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, двусторонние инвестиционные договоры, интеграционные группировки, критерии целесообразности заключения двусторонних инвестиционных договоров, экономические интересы России, инвестиционный климат, профильные международные организации.

Keywords: foreign investments, bilateral investment treaties (BIT), integration organizations, reasonableness criteria of bilateral investment treaties, economic interests of Russia, investment climate, specialized international organizations.

30 сентября 2016 г. Правительством РФ было принято Постановление № 992 «О заключении международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций» (далее — Постановление № 992), которым отменен действовавший ранее порядок заключения двусторонних международных соглашений об иностранных инвестициях на основе типовой формы.

Можно лишь предполагать, какие именно обстоятельства побудили Российскую Федерацию принципиально трансформировать существующий механизм согласования договоров о защите и поощрении иностранных инвестиций, ибо официально это не озвучено. По всей видимости, Россия решила перейти от стандартизированной модели заключения инвестиционных соглашений к индивидуальной, в рамках которой можно соотнести условия договора и характер двусторонних отношений с соответствующим государством. В частности, видимо, будет приниматься во внимание, осуществлял ли данный контрагент какие-либо принудительные экономические меры (санкции) против Российской Федерации или предпринимал попытки иным образом оказывать влияние на политику России в своих интересах.

На сегодняшний день на основе вновь установленного порядка пока не было заключено ни одного инвестиционного соглашения. Более того, надо полагать, что действующие двусторонние инвестиционные договоры (далее — ДИД) России еще долго будут определять характер ее международного взаимодействия в инвестиционной сфере, поскольку договоры такого рода относятся к соглашениям длительного действия.

Вместе с тем изменение позиции Российской Федерации по отношению к соглашениям в сфере иностранных инвестиций требует досконального анализа, в том числе с точки зрения новаций, которые несет с собой новая схема заключения ДИД для участников таких соглашений, а также для потенциальных инвесторов.

Действовавший ранее порядок заключения ДИД просуществовал 15 лет. Он был введен Постановлением Правительства РФ от 9 июня 2001 г. № 456 «О заключении соглашений между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений» (далее — Постановление № 456).

Согласно данному документу ДИД с иностранными государствами заключались на основе «Типового соглашения между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений». Конечно, каждое из таких соглашений готовилось на индивидуальных условиях, однако наличие типовой формы приводило к тому, что в принципиальном плане заключаемые ДИД были сходны[5].

Постановлением № 992 утвержден «Регламент заключения международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций», который включает два раздела: «Критерии определения целесообразности проведения переговоров и заключения международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций» и «Общие подходы» к заключению таких международных договоров.

В общем ключе схема регламентации механизма заключения ДИД осталась прежней. Как и ранее, в ней можно выделить два взаимосвязанных основополагающих вопроса: 1) положения, касающиеся порядка проведения переговоров и целесообразности заключения ДИД; 2) положения относительно содержания ДИД.

Кардинальными следует считать изменения, касающиеся субъектного состава ДИД. В ранее действовавшем Постановлении № 456 в качестве контрагента Российской Федерации по инвестиционным соглашениям фигурировали только иностранные государства. В Постановлении № 992 в качестве возможных участников ДИД указаны иностранные государства, объединения государств, международные организации или иные образования, обладающие правом заключать международные договоры.

Данное нововведение вызывает ряд вопросов. Интерес представляет, конечно, возможность заключения договора о поощрении и защите инвестиций с объединением государств. Использование широкой формулировки «объединение государств» предполагает, что это может быть любая ассоциация государств. Вообще-то в настоящее время в текстах международных соглашений экономические группировки получили наименование «региональные организации экономической интеграции»[4].

Понятно, что термин «объединение государств» шире и может относиться к любому союзу государств, а не только к группировкам, ставящим цель интеграции в экономической области. Однако, как показывает практика, интеграционные объединения чаще всего стремятся проводить детально скоординированную политику в сфере инвестиций, в том числе посредством заключения соответствующих международных договоров.

Сложнее определить, какие именно вопросы инвестиций могут стать предметом соглашения между от-

дельным государством и группой государств. Означает ли такое соглашение, что в отношении всех государств, входящих в интеграционную группировку, устанавливается единый режим осуществления инвестиций, и он заменяет собой договоренности, существовавшие с каждым из государств, входящих в межгосударственное объединение, в отдельности?

Именно в такой плоскости вопрос об инвестициях встал перед государствами — членами Европейского союза (далее — ЕС). В ст. 207 Договора о функционировании Европейского союза (в редакции Лиссабонского договора о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества от 13 декабря 2007 г.) (далее — ДФЕС/ДУЕС) предусмотрено, что прямые иностранные инвестиции составляют часть общей торговой политики и, следовательно, относятся к исключительной компетенции ЕС, включая и заключение соответствующих международных договоров.

В связи с этим естественно встал вопрос о судьбе ДИД, заключенных ранее государствами — членами ЕС с третьими государствами[6]. Если обязательства, вытекающие из такого ДИД, вступают в противоречие с положениями права ЕС, то государству — члену ЕС предлагается «прибегнуть к любым подходящим средствам, чтобы ликвидировать установленные несоответствия» (ст. 351 ДФЕС/ДУЕС).

Если контрагент по такому ДИД не дает согласия на изменение или денонсацию договора, у государства — члена ЕС остается единственная возможность — дожидаться срока окончания ДИД, с тем чтобы воспользоваться правом на одностороннее прекращение договора, каковое обычно оговаривается в ДИД. Как правило, право на такое одностороннее прекращение наступает по истечении предусмотренного в ДИД срока (обычно он варьируется в пределах 10–15 лет). Более того, во многих ДИД предусматривается, что в отношении инвестиций, осуществленных до даты прекращения действия ДИД и подпадающих под его действие, все положения договора остаются в силе в течение определенного в ДИД периода (так называемая закатная оговорка — sunset clause).

Не менее интересен вопрос о международной организации как контрагенте Российской Федерации по инвестиционным соглашениям. Право международной организации выступать в качестве иностранного инвестора предусмотрено в Федеральном законе от 9 июня 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»⁸. При этом в указанном Законе международные организации упомянуты в весьма своеобразной формулировке. В ст. 2 при расшифровке термина «иностраный инвестор» говорится, что таковым может быть «международная организация, которая вправе в соответствии с международным договором Российской Федерации осуществлять инвестиции на территории Российской Федерации». Между тем открытым остается вопрос о том, каким именно международным договором может быть предусмотрена возможность осуществления инвестиций международной организацией на территории России, поскольку международные организации как таковые не могут занимать-

ся коммерческой деятельностью[3].

Очевидно, что в 1999г., когда разрабатывался действующий российский Закон об иностранных инвестициях, еще не получил широкого распространения термин «интеграционные группировки», и последние в большинстве случаев именовались международными организациями.

Поскольку в Постановлении № 992 отдельно поименованы объединения государств и международные организации, открытым остается вопрос, в каких случаях допустимо заключение международного договора и осуществление иностранных инвестиций на территории России международными организациями.

В Постановлении № 992 предусмотрено, что договоры об инвестициях могут быть заключены и с «иными образованиями». Что это за иные образования, можно лишь предполагать с относительной долей вероятности.

Хотя и достаточно редко, в международной практике встречаются случаи, когда право на заключение соглашений по отдельным вопросам инвестирования предоставляется обособленным подразделениям федеративных государств или особым административно-территориальным единицам.

Указанные выше образования могут заключать инвестиционные договоры лишь в том случае, если такое право предоставлено им национальным законодательством соответствующего государства.

Однако вполне очевидно, что с точки зрения классического международного права такого рода соглашения не могут рассматриваться в качестве международных договоров. Правда, в последнее время ряд специалистов отстаивает тезис о возможности признания международной правосубъектности, например, за таможенными территориями. Между тем предоставление отдельных прав и полномочий подобным образованиям в рамках трансграничных отношений, как представляется, не превращает и в принципе не может превратить их в субъектов международного права. Соответственно и заключаемые ими соглашения, вне зависимости от их содержания, не приобретают статуса международных договоров.

В Постановлении № 992 оговорено общее условие: потенциальный участник договора должен обладать правом заключать международные договоры. Из этой формулировки следует, что речь идет о праве заключать не собственно ДИД, в международные договоры в принципе. Для субъектов международного права это правомочие вытекает из права международных договоров. Интеграционному объединению оно может быть предоставлено его государствами-членами.

Перейдем теперь к процедуре заключения ДИД. Постановлением № 992 предусмотрено расширение круга федеральных органов, которые должны принимать участие в переговорах относительно разрабатываемого договора. Координирующая роль, как и прежде, возлагается на Министерство экономического развития РФ (далее — МЭР РФ). Ранее к этой работе в обязательном порядке должны были быть привлечены также Министерство иностранных дел РФ и Министерство финансов РФ. В Постановлении № 992 установлено, что теперь

в число этих органов входит и Министерство юстиции РФ.

Регламентом заключения международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций (далее — Регламент) установлено, что МЭР РФ с учетом предложений МИД РФ должно ежегодно утверждать план переговоров о заключении международных инвестиционных соглашений РФ. При формировании данного плана МЭР РФ следует руководствоваться сформулированными в Приложении № 1 к Регламенту Критериями определения целесообразности проведения переговоров и заключения международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций (далее — Критерии).

Всего в Приложении установлено четыре критерия:

- 1) экономические интересы РФ;
- 2) инвестиционный климат, существующий в другой стороне;
- 3) состояние отношений между сторонами;
- 4) возможность получения преференций и преимуществ российскими инвесторами.

Первым из критериев целесообразности заключения ДИД обозначено наличие экономического интереса РФ в существовании такого договора.

Этот интерес конкретизирован в нескольких показателях. Заметим, что в качестве первого показателя этого критерия обозначена заинтересованность российских инвесторов в заключении соответствующего ДИД.

Указанная заинтересованность выявляется на основе обращений в МЭР РФ российских объединений, ассоциаций, отдельных предпринимателей или работодателей с предложениями о заключении ДИД с конкретной стороной. Получается, что будущие бенефициары планируемого к заключению ДИД имеют возможность непосредственно влиять на политику государства в этом вопросе.

Весьма интересен второй критерий целесообразности заключения ДИД, обозначенный как инвестиционный климат, гарантируемый субъектом, с которым планируется заключение договора. Нельзя не отметить, что «инвестиционный климат» представляет собой чрезвычайно сложную политико-экономическую категорию, в рамках которой правовой компонент является лишь одной из составляющих. При оценке инвестиционного климата во внимание могут приниматься десятки, если не сотни разнообразных критериев экономического, политического и юридического характера.

Одним из инструментов, позволяющих выявить позиции государства в сфере инвестиционной политики, выступают рейтинги, при помощи которых делается попытка обозначить статус и потенциальные возможности государства в виде обобщенных цифровых показателей. Таких рейтингов имеется бесчисленное множество. При этом, как отмечают специалисты, к существу и экономическому содержанию рейтингов, технологии и методологии их формирования, системам оценок и экспертиз существует немало вопросов. Помимо этого, на систему показателей значительное влияние могут оказывать научные школы, правовое положение составителя соответствующего рейтинга и его объективность[3].

Более сложен вопрос о «профильных» международ-

ных негосударственных организациях (далее — МНГО). Количество таковых с трудом поддается исчислению, поскольку в настоящее время в мире действуют сотни, если не тысячи всевозможных международных объединений, призванных оказывать содействие осуществлению бизнеса, а также сбору и обобщению экономической статистики и информации. Многочисленные институты, фонды и агентства, от имени которых публикуются разнообразные рейтинги, затрагивающие сферу инвестирования, хотя и могут быть отнесены к категории профильных, однако либо по своему статусу и правовой сущности не являются международными организациями, либо не могут рассматриваться как источник объективной информации.

В качестве составляющей инвестиционного климата МЭР РФ предложено учитывать «наличие запретов, ограничений и иных барьеров, препятствующих эффективному осуществлению российскими инвесторами инвестиций в другой стороне». Примечательно, что «запреты, ограничения и иные барьеры» надлежит оценивать обособленно, несмотря на то что в Критерии в качестве самостоятельного показателя уже включен такой, как состояние двусторонних отношений с соответствующим государством.

Представляется, что при оценке межгосударственных взаимоотношений невозможно игнорировать недружественные акты типа разного рода запретов, ограничений и барьеров, касающихся не только собственно инвестиций, но и любых иных, влияющих на двусторонние экономические связи.

Уровень таких связей чаще определяется не запретами, ограничениями и барьерами, а прямо противоположной категорией — льготами и преимуществами, которые государства обязались предоставлять друг другу в соответствии с различными международными договорами[2].

В качестве одного из существенных показателей в Критериях упомянут и такой, как участие России и предполагаемого партнера по ДИД в тех или иных международных договорах. Это могут быть как договоры, связанные с инвестициями, так и договоры, к инвестициям напрямую не относящиеся. Представляется, что в целом ряде случаев нельзя четко разграничить, какие именно договоры попадают в категорию инвестиционных.

Существует довольно обширный пласт соглашений, которые, не являясь собственно инвестиционными, играют ключевую роль при принятии решения о вложении инвестиций. Это торговые соглашения, соглашения о платежах, налоговые соглашения, договоры по правам человека и др.

Надо полагать, что при оценке общего состояния отношений и взаимных обязательств РФ с другой стороной во внимание должно приниматься не только формальное участие в том или ином международном договоре, но и анализ системного и последовательного исполнения закрепленных в нем обязательств.

Планируя заключение ДИД, МЭР РФ должно провести серьезный анализ инвестиционной нормативной базы, а также общего состояния политико-экономических отношений с предполагаемым государством-контрагентом. Во многих случаях критерии, которыми

при этом предложено руководствоваться, носят оценочный характер. В связи с этим возникает вопрос: как будет поступать МЭР РФ в ситуации, когда по одному или даже нескольким критериям положение дел применительно к инвестициям может рассматриваться как не вполне благоприятное для российских инвесторов? Поскольку очевидного ранжирования критериев Правительством РФ не установлено, на МЭР РФ фактически возлагается обязанность дать общую оценку целесообразности заключения ДИД, проанализировав все критерии в их совокупности. В частности, именно МЭР РФ предстоит решить, за какой именно период ему следует изучать характер двусторонних отношений.

Ряд вопросов возникает применительно к ситуации, когда у Российской Федерации с конкретным государством уже существует договор, срок действия которого не истек. В этом случае включение такого государства в план переговоров о заключении ДИД или даже рассмотрение вопроса о включении его в план заставляет задуматься о том, должно ли это государство быть оповещено о намерении Российской Федерации заключить новый договор. Представляется, что этот вопрос будет обсуждаться сначала в режиме предварительных консультаций, а официальные переговоры будут инициированы лишь после соответствующей директивы Правительства.

Критерии целесообразности заключения ДИД сформулированы в Постановлении № 992 столь широко, что уполномоченные органы, включая МЭР РФ, имеют возможность принять во внимание практически весь спектр политических, экономических, юридических и иных факторов, влияющих на инвестиционные взаимоотношения. Более того, включение таких критериев в Постановление № 992, официально публикуемое, доступное и очевидно анализируемое потенциальными договаривающимися сторонами, открыто демонстрирует основы политики России применительно к отношениям в сфере иностранных капиталовложений[4].

Если целесообразность заключения ДИД констатирована и Правительство РФ издает директиву о проведении переговоров, их канва выстраивается на основе Общих подходов к заключению международных договоров РФ по вопросам поощрения и защиты инвестиций. Весьма парадоксальной следует признать ситуацию, когда МЭР РФ планирует заключение нового ДИД с каким-либо государством, известит его об этом, а впоследствии, проанализировав Критерии, придет к выводу о нецелесообразности заключения ДИД.

Впрочем, не менее нелогичной следует признать ситуацию, при которой МЭР РФ планирует заключение ДИД, не известив об этом потенциального контрагента.

В рамках настоящей статьи ограничимся несколькими принципиальными замечаниями. Прежде всего, если применявшееся ранее Типовое соглашение содержало конкретные формулировки готовящегося к заключению ДИД, то в Общие подходы включены обобщенные принципы, которыми следует руководствоваться при подготовке текстов соответствующих статей. Однако изменения коснулись не только методики подготовки текста договора, но и ряда принципиальных подходов к регламентации инвестиционных соглашений.

Существенные интересы затрагивают такие сферы, как защита жизни и здоровья людей, исчерпаемые природные ресурсы, права потребителей, распространение информации, борьба с коррупцией и др. В этом отношении в Общих подходах дается достаточно обширный перечень, включающий в том числе меры, которые государство может предпринимать для исполнения своих международных обязательств[6].

Замена конкретных формулировок общими принципами позволяет использовать их как довольно тонкий инструмент для согласования подходов с каждым из потенциальных государств — партнеров России на индивидуальных условиях. Следуя новому порядку, Российская Федерация будет выходить на переговоры с предложением сначала согласовать принципиальные позиции по вопросам инвестиционного договора и выработать единую концепцию, а далее приступить к об-

суждению вариантов текстуального закрепления положений, о которых стороны договорились.

Между тем можно назвать по крайней мере еще две неотъемлемые составляющие всякого ДИД: 1) гарантии, которые государство предоставляет иностранному инвестору; 2) порядок разрешения споров.

Несомненно, Общие подходы воспроизводят такую выработанную сложившейся международной практикой структуру ДИД. Вместе с тем надо понимать, что они отражают интересы, которые при заключении ДИД будет отстаивать Россия. Однако ДИД как двусторонний договор должен в равной степени опираться на потребности другой стороны. Очевидно, что реальный ДИД с неизбежностью будет воплощением компромисса переговорных позиций каждой из договаривающихся сторон.

Литература

1. Бахин С.В. Право интеграционных образований: вопросы конкуренции систем права // Международные отношения и право: взгляд в XXI век: мат-лы конференции в честь профессора Л. Н. Галенской / под ред. С.В.Бахина. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та; «Университетский издательский консорциум “Юридическая книга”», 2009. С. 90–145.
2. Белоглазев А. Защита инвестиций, право Европейского союза и международное право. Киев: Таксон, 2010. 356 с.
3. Бондаренко И. В., Князева И. В. Системная характеристика рейтингов, содержащих оценку предпринимательского и инвестиционного климата: место России // Вопросы управления. 2014. № 4 (10). С. 101–114.
4. Вознесенская Н. Н. Россия — новый член ВТО // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 3. С. 152–167.
5. Доронина Н. Г., Семилютин Н. Г. Международное частное право и инвестиции: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012. 272 с.
6. Тюрин Н.Е. Публичный порядок в международном торговом праве: автореф.дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2016. 42 с.

References

1. Bakhin S.V. [Intergation Law: concurrence of law systems]. Mezhdunarodnye otnosheniia i pravo: vzgliad v XXI vek: mat-ly konferentsii v chest' professora L. N.Galenskoi [International Relations and Law: A Look into XXI Century. Materials of the conference in honor of the professor L. N.Galenskaya]. Ed. by S.V.Bakhin. St. Petersburg, SpSU Publ., 2009, pp. 90–145. (In Russian)
2. Belohlavek A. Zashchita investitsii, pravo Evropeiskogo soiuza i mezhdunarodnoe pravo [Protection of investments, European law and international law]. Kiev, Takson Publ., 2010. 356 p. (In Russian)
3. Bondarenko I.V., Knyazeva I.V. Sistemnaia kharakteristika reitingov, soderzhashchikh otsenku predprinimatel'skogo i investitsionnogo klimata: mesto Rossii [Systembased characteristics of ratings containing assessment of entrepreneurial and investing climate: ranking of Russia]. Voprosy upravleniia [Management Issues], 2014. no. 4 (10), pp.101–114. (In Russian)
4. Voznesenskaya N.N. Rossiia — novyi chlen VTO [Russia is a new member of WTO]. Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. 2015, no. 3, pp.152–167 (In Russian)
5. Doronina N. G., Semilyutina N. G. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo i investitsii: monografiia [International private law and investments: monograph]. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2012. 272 p. (In Russian)
6. Tyurina N.E. Publichnyi poriadok v mezhdunarodnom torgovom prave. Avtoref. dis. d-ra iurid. nauk [Public order in international trade law. PhD Thesis]. Kazan, 2016. 42 p. (In Russian)

О статусе международных договоров в правовой системе Российской Федерации: от теории к практике

The status of international treaties in the legal system of the Russian Federation: from theory to practice

Аванесянц Альберт Сергеевич

магистрант Северо-Кавказского Горно-Металлургического Института, кафедра
предпринимательского и трудового права

Газзаева Мадина Тотрбековна

к.п.н., доцент, кафедра предпринимательского и трудового права

Albert S. Avanesyants, master's student of the North Caucasus Mining And Metallurgical
Institute, Department of business and labor law

Gazzaev Madina Turakova, Ph. D., associate Professor, Department of entrepreneurial and
labour law

В статье формулируется целесообразность определения правового статуса международного договора в составе источников права с позиции его базового единства. Предлагается анализ категорий нормативно-правового акта, нормативного договора, международного договора, выделяются их признаки, правовые характеристики. Исходя из базовых правовых характеристик категории нормативно-правового акта, обосновывается целесообразность отнесения международного договора к данной категории.

The article formulates the expediency of determining the legal status of an international Treaty as part of the sources of law from the standpoint of its basic unity. The analysis of categories of the normative legal act, the normative agreement, the international agreement is offered, their signs, legal characteristics are allocated. Based on the basic legal characteristics of the category of normative legal act, the expediency of referring an international Treaty to this category is justified.

Ключевые слова: международный договор, нормативно-правовой акт, источник права, акт, договор, соглашение, правоприменение.

Key words: international treaty, legal act, source of law, act, treaty, agreement, law enforcement.

В литературе и на практике международные договоры традиционно воспринимаются исходя только из их правовой природы - как соглашение договаривающихся сторон, которое не раскрывает их правового статуса в системе источников права, применяемых судами.

Юридическая литература предлагает читателю с не-

которыми отличиями, но в общем сходный перечень видов источников права: нормативный правовой акт, судебный прецедент, правовой обычай, нормативный договор.

Нормативный договор (разновидность которого принято называть международным договором) выделяется как самостоятельный источник права и отделяется от нормативных правовых актов [1].

Такое отделение международных договоров от массива нормативных правовых актов не может быть признано достаточным и доказанным с позиций общей теории права и сложившейся правоприменительной практики.

Обращается внимание на то, что само обоснование разграничения в системе источников права нормативного правового акта и нормативного договора авторами современной научной литературы встречается крайне редко. Например, договорная разновидность законодательства [2], указывается, что она осуществляется по соглашению двух или более сторон, в связи с чем международные договоры, "в отличие от нормативно-правовых актов, непосредственно не выражают волю государства и не являются официальным правовым актом государства" [5].

Отдельные ученые, как индивидуализирующая характеристика нормативного (следовательно, международного) договора, как части источников права, предполагают тот факт, что такой договор является "добровольной волей сторон", в то время как нормативный правовой акт "является актом односторонней воли" [3]. Существует также точка зрения, согласно которой,

"в отличие от нормативных актов, принимаемых государственными органами, нормативные договоры выступают результатом соглашения между равноправными субъектами деятельности, представляющих общий интерес" [4].

Если обобщить эти точки зрения, то получается, что равенство субъектов, добровольное волеизъявление каждого из них и согласование таких Воль позиционируются как критерии отнесения международного договора к самостоятельному типу источников права и, тем самым, его обособления от такого типа, как нормативно-правовой акт. Такой подход к видовому составу источников права не является объективным.

2. Системный анализ категорий.

Для того чтобы определить, относится ли тот или иной источник права к нормативным правовым актам, прежде всего необходимо определить, что такое "нормативный правовой акт" и по каким критериям его можно квалифицировать как таковой.

Юридическая наука и практика повсеместно оперируют понятием "нормативный правовой акт", вкладывая при этом в него различное содержание.

В современных научных доктринах можно встретить различное по содержанию определение этой категории: "акт правотворческой деятельности компетентных государственных органов, устанавливающий, изменяющий или отменяющий верховенство права" [5] или "акт, содержащий нормы права и направленный на урегулирование определенных общественных отношений" [4].

В пункте 2 запроса Государственной Думы РФ в Конституционный Суд Российской Федерации "о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 02.10.1996 № 1412 "об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации" сформулирована следующая официальная позиция: "в действующем законодательстве определение понятия "нормативный правовой акт". Вместе с тем в правовой доктрине принято, что нормативный правовой акт-это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм" [1].

В соответствии с пунктом 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.1993 № 5 "о некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел по заявлениям прокуроров о признании правовых актов не соответствующими закону" (в ред. Постановления Пленума от 05.05.2000 № 5) 19) нормативный правовой акт-акт уполномоченного органа государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица, установленный в установленном порядке, устанавливающий правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, действующий независимо от того, возникли или прекратились конкретные отношения, предусмотренные законом [2].

В Определении Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. В вас-5067/14 от 14 июля 2014 года было указано, что "нормативный правовой акт-это

письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление или отмену правовых норм, под правовой нормой - обязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение" [3].

Можно также привести определение нормативного правового акта, предложенного в проекте федерального закона "О нормативных правовых актах в Российской Федерации", подготовленный Министерством юстиции [4].

В статье 1 проекта указывается, что нормативный правовой акт-это письменный официальный документ, принятый в определенной форме субъектом правотворчества в пределах его компетенции и направленный на установление, поправки, разъясняющие, исполнения, прекращения или приостановления действия правовых норм, содержащих обязательные предписания постоянного или временного характера, распространяется на неопределенный круг лиц и рассчитан на многократное применение. При этом под правотворчеством понимается официальная деятельность государственных органов по разработке и принятию нормативных правовых актов.

Эти определения отличаются стремлением максимально сконцентрировать основные характеристики нормативного правового акта: создание (принятие) компетентными государственными органами; письменное выражение в строго определенной форме; содержание закона; наличие порядка его реализации, включая, при необходимости, институт принудительного исполнения предписаний и нарушения запретов. Эти характеристики в теории и практике используются в качестве критериев квалификации того или иного источника права как нормативного правового акта.

Между тем такая формулировка характеристик нормативного правового акта приводит к необоснованно узкому пониманию данной категории.

Эти характеристики описываются только на основе национального, внутригосударственного подхода к категориям общей теории права. Основное единство права и, следовательно, его основные источники здесь не учитываются. Конечно, каждая правовая система оперирует набором источников права, признанных ею таковыми, поскольку они наиболее характерны для ее модели устройства. Но такие различия не исключают ключевых с позиции общей теории права характеристик того или иного понятия.

Есть общий набор свойств (характеристик) для каждого из видов источников права, их условно можно назвать основной. В свою очередь, свойства различных видов источников права, присущие каждой конкретной правовой системе, накладываются на основные, дополняя их. Таким образом, в основу классификации видов источников права должны быть положены основные фундаментальные характеристики соответствующих источников, а не их специфические особенности, обусловленные особенностями каждой конкретной правовой системы.

Нормативный правовой акт как своего рода источ-

ник права является прежде всего общей категорией права в целом. К этому виду могут быть отнесены те или иные конкретные источники права как в национальной правовой системе, так и в международной.

Выделим основные значимые критерии квалификации того или иного источника права в качестве нормативного правового акта:

- содержание закона в таком акте;
- письменная форма изложения таких норм с учетом требований к порядку изложения;
- принятие акта субъектом (субъектами) права, которому (которым) предоставлены такие полномочия в рамках конкретной правовой системы;
- осуществление полномочий по принятию акта в установленном процессуальном порядке;
- наличие процедуры осуществления такого акта.

В подтверждение своей позиции приводим следующие аргументы.

Общепризнано, что акт - (от лат. actum - документ) - это название различного рода документов [6].

Акт является родовым понятием, означающим в данном случае формально выраженный официальный документ. И закон, и договор - это акты, документы. Для такого понимания внутренние качественные характеристики акта не имеют приоритета: процессуальный порядок акцепта (императивный императивный порядок или примирительный характер), формы (договор или право) и субъект акцепта (государство самостоятельно или по соглашению о волеизъявлении с другими государствами). С точки зрения общей теории права важна только их предварительная детерминация, определенность, поскольку соблюдение или несоблюдение порядка, формы и полномочий субъектов может в каждом конкретном случае влиять на действительность документа, а не на его выражение вове.

Причем в каждом конкретном случае акты принимаются путем волеизъявления уполномоченных органов - законодательных органов, если это национальная правовая система, и субъектов международного публичного права, если это соответствующая правовая система. Порядок волеизъявления и способы его выражения закреплены в каждой правовой системе и должны соблюдаться этими субъектами.

Такие выводы согласуются с мнением В. В. Иванова о том, что по существу правовые акты (акты-документы) являются "внешними выражениями правовой деятельности субъектов права" [7]. Когда речь идет о правовом (правовом) акте как источнике права, то имеется в виду конечный результат волеизъявления, форма, в которую оно изливается [8].

Поэтому мы считаем, что формулирование нормативного правового акта в предложенных выше определениях как одной из его основных характеристик, принятие этого акта уполномоченным государственным органом необоснованно сужает данное понятие. Это лишь дополнительное, уточняющее качество такого акта, созданного в рамках национальной правовой системы. Уполномоченный государственный орган является одним из субъектов национальной правовой системы. Применительно к международной правовой системе право на участие в создании норм является основным

компонентом правоспособности субъектов этой системы. В обоих случаях верховенство права создается субъектами каждой из правовых систем, уполномоченными на такую правовую деятельность.

Обратимся к общей концепции нормативного договора. Оно в основном определяется как совместно осуществляемое в соответствующей форме раздельное волеизъявление двух или более уполномоченных субъектов правотворчества, направленное на регулирование поведения этих субъектов и (или) иных субъектов на основе соглашения, устанавливающего правовые нормы. Иными словами, нормативный договор - это "соглашение двух или более сторон, в результате которого устанавливаются, изменяются или отменяются нормы права" [9].

Сравнивая это определение с определениями международного договора, можно прийти к выводу, что в основе определений понятия международного договора, сформулированных российской правовой наукой, лежит именно такое понимание нормативного договора.

В самом общем виде международный договор определяется как международно-правовой документ, закрепляющий координацию воли двух или более субъектов международного права, направленную на установление обязательных разрешений, правил и запретов, предусмотренных принудительной силой государств [10]. Еще более общее определение международного договора как соглашения между субъектами международного права, заключение, действие и прекращение которого регулируются международным правом [11].

Сформулированы и нормативно закреплены определения понятия.

Так, согласно п.1 ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года (далее - Венская конвенция 1969 года) и ст. 2 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 года [5], договор означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких взаимосвязанных документах, а также независимо от его конкретного наименования. Кроме того, несмотря на то, что сфера применения Венской конвенции 1969 года ограничена соглашениями между государствами, ее нормы могут применяться и к другим международным договорам, под действие которых они попадали бы в рамках международного права (Статья 3 Венской конвенции 1969 года).

Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или международными организациями 1986 года (далее - Венская конвенция 1986 года) в ст. 2 предлагает аналогичное определение международного договора с особенностью субъектного состава договоров.

Федеральный закон от 15.07.1995 № 101 - ФЗ "О международных договорах Российской Федерации" ("далее - Федеральный закон" о международных договорах Российской Федерации), Закон О международных договорах Российской Федерации) в ст. 2 обобща-

ет указанные определения: "международный договор Российской Федерации означает международный договор, заключенный Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией или с иным субъектом, имеющим право заключать международные договоры (далее - иное образование) в письменной форме и регулируемый международным правом, независимо от того, содержится ли такая договоренность в документе или в нескольких связанных с ним документах, и независимо от его конкретного наименования. "

Такие определения имеют право и основание для существования, но они лишь констатируют индивидуальные особенности данного источника права, подчеркивая его международно-правовую природу и сущность, такие как: примирительный характер, письменная форма и международно-правовое регулирование процессов реализации.

В этом случае исходной категорией в определениях данных является соглашение, лежащее в основе соглашения.

Безусловно "договор или согласие является юридическим лицом любого договора, в том числе международного" [12]. Примирительные способы создания закона выделяют соглашение между актами, содержащими нормы права. Но этот критерий присущ ему в силу специфики правовой системы, в которой он создается, специфики взаимодействия в рамках субъектов системы. Права использования такого критерия не обоснованы для разделения договора в составе видов источников. Согласительные договорные нормы не меняют своей правовой природы-правил поведения, которые являются обязательными для участников в силу наличия правового механизма их реализации.

В результате концептуального, лексико - семантического и содержательно - правового анализа словосочетания "международный договор - соглашение" В. С. Иваненко пришел к обоснованным выводам о его неудачности, о внесении им путаницы в общую понятийную систему, и о том, что оно "очень точно раскрывает лишь одну часть понятия договоров-юридическое лицо в результате гармонизации Воль субъектов международного права" [13].

Таким образом, в доктрине происходит подмена понятий: специфическая характеристика международного договора как субъекта международного права выводится на первый план за счет остальных его основных характеристик, присущих ему как источнику международного права.

Можно констатировать, что договор отвечает сформулированным выше основным характеристикам нормативных правовых актов: акт содержит нормы права, существует письменная форма представления таких норм с учетом требований к данному заявлению, предъявляемых уполномоченными органами субъектов международного права, в установленном процессуальном порядке, а также осуществляется в установленном порядке.

Поэтому международные договоры являются нормативными правовыми актами со всеми вытекающими из них правовыми последствиями. У этой точки зрения

есть противники. Так, Е. Л. Поцелуев, выделяя международные договоры как один из разновидностей нормативных договоров, отмечает: "необоснованным выглядит нормативное понимание отдельных юристов как разновидности договорно-правового акта". Однако у автора нет никаких аргументов в поддержку своих критиков [14].

В подтверждение этого утверждения, помимо вышеизложенного, можно привести следующие аргументы. Характеристика международного договора как источника права, обладающего верховенством права, подчеркивает М. Н. Марченко, когда он говорит, что все международные договоры являются "нормативными по содержанию", несмотря на то, что "некоторые из них формируют общие правила для широкого (просто неопределенного) круга субъектов и многократного использования, в то время как другие содержат строго индивидуальные нормы, создающие права и обязанности только для договаривающихся сторон" [15].

Мы согласны с этим утверждением. Процедуры принятия решений в правовых актах по своей сути очень схожи как в международных, так и в национальных правовых системах. Это не отрицает существования "принципиальных различий между международным и национальным способом нормы" [17].

Принятие государственных обязательств по международным договорам (на всех этапах) требует участия в этом процессе компетентных государственных органов, они во имя каждое государство принимает закон (по смыслу статьи 9 - 17 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года). Далее, на национальном уровне для обеспечения соблюдения международных обязательств можно говорить о конкретном "разрешении", т. е. осуществлении государством действий, которые допускает правовая система, содержащая международные договорные нормативные акты. Именно это разрешение (разрешение, программное обеспечение) впоследствии приводит к применению таких стандартов соответствующими национальными органами.

В свою очередь, в национальные правовые акты принимаются от имени уполномоченных органов государства - субъектов правовой системы. Вводится правовой механизм регулирования общественных отношений нормативными актами и путем соблюдения определенного механизма (определение порядка вступления в силу и сферы применения, а также последующее официальное опубликование при необходимости официального толкования).

Важно отметить, что исполнение международных договоров как нормативно-правовых актов находит подтверждение и в законодательстве Российской Федерации.

Так, ст. 13 АПК РФ "нормативные правовые акты, применяемые в случаях" в ст. 1 предусматривает, что арбитражные суды рассматривают дела на основании Конституции, международных договоров РФ, федеральных законов и нормативных правовых актов Президента РФ, Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти, конституций (уставов), законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ, актов

местного самоуправления.

Поэтому можно предположить, что законодатель при формулировании этих норм российского права исходил из того, что международные договоры являются правовыми актами.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, в качестве нормативных правовых актов выделяют следующие признаки международных договоров:

- содержат нормы права - обязательные правила поведения для членов;
- принимаются уполномоченными органами субъектов права;
- на основе Воль субъектов, согласованных в процессе их выражения;
- являются юридически обязательными по международному праву;
- выступать в качестве юридической силы в национальных правовых системах с одобрения таких систем;
- принимается всегда четко определенный процессуальный порядок; почему международное право формируется конгломератом специальных норм, называемых "правилами процедуры";
- иметь письменную форму, соответствующую международно-правовой системе правил документального оформления правовых актов.

Не умоляя о важности этих ранее существовавших в литературе определений источника права, для целей настоящего исследования считаем необходимым предложить следующее определение, характеризующее понятие критерия как правового акта.

Международный договор является международно-правовым актом, принятым уполномоченными субъектами международного права на основе согласительной процедуры, содержащим обязательные для договаривающихся сторон правила поведения по регулированию общественных отношений, представляющих взаимный интерес.

Соответственно, в случае заключения международного договора Российской Федерации, последняя является стороной такого договора, она уполномочена осуществлять его в пределах юрисдикции государства.

По мнению В. С. Иваненко, квалификация международного договора как правового акта "позволяет уже на стадии определения принимать и продолжать считать международный договор не договором-сделкой между субъектами международного права, а основной нормой-провозглашающим источником современного международного права. Такое понимание сущности договора позволяет "установить точное место международных договоров России в российской правовой системе" [14].

Предложенное определение дает нам отправную точку для изучения процессов реализации содержащихся в международных договорах РФ правовых норм через правоприменительную деятельность арбитражных судов Российской Федерации.

В качестве правовых последствий квалификации международных договоров в качестве нормативно-правовых актов выступают следующие.

1. Международный договор является международно-правовым актом, который подлежит применению

судами Российской Федерации. Его не следует понимать как акт "силы правовой позиции" судебного органа или лица, участвующего в деле. Дело в том, что в результате сильно преувеличивается значение единиц международного права на публичное и частное [18] сформировалось мнение, что международные договоры Российской Федерации носят публично-правовой характер и применение в этой связи носит исключительно международный характер в международных отношениях.

Например, дуалистическая теория предполагает, что международное право и внутреннее право призваны регулировать различные группы общественных отношений: международное право - межгосударственные отношения, а внутреннее право - отношения с участием физических и юридических лиц, подчиненных верховной власти государства. Взаимодействие правовых систем в рамках данной теории предполагает, что "нормы международного права оказывают влияние на внутригосударственное правотворчество и правоприменение, и наоборот.

Каждая из взаимодействующих правовых систем имеет правило, действующее в их среде" [19]. Но практика показывает, что эта концепция не всегда выдерживают объективной критики.

Несмотря на то, что эти выводы имеют отношение к теории и практике договора, анализ арбитражной практики показывает, что судебная власть в течение длительного времени (даже после принятия Конституции Российской Федерации 1993 года) ссылается на нормы международных договоров Российской Федерации как на категорию безусловно правовую, но "чуждую" и поэтому не подлежащую применению. В связи с этим ссылки на нормы международных договоров в судебных актах по-прежнему в ряде случаев носят формальный, не содержательный, ненормативный характер. Это во многом способствовало выделению международных договоров в отдельный вид источников права, разграничению их нормативно-правовых актов.

То есть квалификация международного договора как правового акта позволяет суду сконцентрироваться на основных нюансах правоприменения в отношении данного источника права, которые необходимы для правильных выводов. В рамках правовых последствий особенно очевидна тесная взаимосвязь таких компонентов правовой системы, как право и правосудие. Свообразным показателем этого является очередность правовой позиции суда по существу, которая отражена в судебном акте.

2. В случае принятия в арбитраж спора, относящегося к международному праву, Арбитражный суд должен осуществить определенную последовательность действий. Он по существу аналогичен алгоритму применения правовых актов национального законодательства. Некоторые особенности являются результатом международного происхождения договора.

Здесь отметим лишь следующее. Учитывая конкурентный характер арбитражного процесса, ссылка на международное соглашение лиц, участвующих в деле, требует судебного исполнительного действия в отношении этого акта. Но отсутствие таких связей в деле не

исключает обязанности третейского суда при поиске и применении международных договоров в процессе правовой классификации спора.

пускает использование только официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, независимо от того, вступили они в силу или применяются временно.

3. Действующее российское законодательство до-

Литература

1. Ануфриева Л. П. понятие "источник права" в международно-правовой науке: догма "классика" и современная доктрина // современное международное право: теория и практика. М., 2015. С. 39-53.
2. Жилин Г. А. источники гражданского и Арбитражного процессуального права // российский Ежегодник гражданского и арбитражного процесса, 2007. спб. 2008,. Вып.6. П. 73– 92.
3. Иванов Р. Л. К вопросу об источниках права в Российской Федерации. // Вестник Омского государственного университета. Ф. М. Достоевского. Серия "Закон". Омск, 2004. Номер 1. П. 13-23.
4. Теория государства и права / учебное пособие. Соответственно. под редакцией А. В. Малько. М. 2010,. 400 р
5. Фархутдинов Ю. Ф. виды источников Гражданского процессуального права. // Российский Ежегодник гражданского и арбитражного процесса, 2001. М., 2002. Номер 1. Рр. 9-15.
6. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарев. М., 2009. 858 С.
7. Иванов В. В. Общая теория контракта. М., 2000. 160 С.
8. Международное право / Учебник. Эд. С. Егоров, С. В. Черниченко и др. М., 2014. 1087 С.
9. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: Учебник. М., 2015. С. 521
10. Международное право / Учебник. Под. под редакцией А. А. Ковалева, С. В. Черниченко. М. 2008. 831 С.
11. Лукашук И. И. современное договорное право. Том I. заключение международных договоров: в 2 Т. М., 2004. 672.
12. Талалаев А. Н. Венская конвенция о праве международных договоров. Обзор. М., 1997. 332 С.
13. Иваненко В. С. международные договоры Российской Федерации, нормативные правовые акты // российский Ежегодник международного права. спб., 2014. П. 26-51.
14. Поцелуи, Е. Л., нормативный договор как источник (форма) права (обзор учебной литературы по теории права) источники (формы) права. МежВуз. команда. научный. работа. Иваново, 2003. П. 9-18.
15. Марченко М. Н. международный договор как источник современного российского права // Вестник Московского университета. Серийный. 11. Право. М., 2004. Номер 3. С. 3-18.
16. Минаков А. И. международный договор как источник международного частного права (вопросы теории) // Советский Ежегодник международного права. 1986. М. - М., 1987. С. 228-241.
17. Бахин С. В. международное и национальное право: соотношение правовой природы // современное международное право: теория и практика. М., 2015. С. 83-91.
18. Морозова Л. А. договор в публичном праве: правовая природа, характеристика, классификация. П. 15-22.
19. Толстых В. Л. курс международного права. М. 2010,. 1008 С.
20. Федоров И. В. гражданское и арбитражное судопроизводство как предмет совместного международно-правового и межгосударственного регулирования: Автореф. дис. ... кандидат юридических наук.Н. Казань, 2002. 32 С.

References

1. Anufrieva L. P., the Concept of "source of law" in international legal science: the dogma of "classic" and the modern doctrine // Contemporary international law: theory and practice. М., 2015. P. 39-53.
2. Zhilin G. A. Sources of civil and arbitration procedural law // Russian Yearbook of civil and arbitration process, 2007. SPb., 2008. No. 6. P. 73– 92.
3. Ivanov R. L. To the question about the sources of law in the Russian Federation. // Herald of Omsk state University. F. M. Dostoevsky. Series "Law". Omsk, 2004. No. 1. P. 13-23.
4. Theory of state and law / Tutorial. Resp. edited by A. V. Malko. М., 2010. 400 p
5. Farhutdinov JF Kinds of sources of civil procedural law. // Russian Yearbook of civil and arbitration process, 2001. М., 2002. No. 1. Pp. 9-15.
6. The big legal dictionary / Under the editorship of A. Ya. Sukharev. М., 2009. 858 S.

7. Ivanov V. V. General theory of the contract. M., 2000. 160 p.
8. International law / Tutorial. Ed. by S. Yegorov, S. V. Chernichenko, etc. M., 2014. 1087 С.
9. Lazarev V. V., Lipen S. V. Theory of state and law: textbook. M., 2015. 521 S.
10. International law / Tutorial. Under. edited by A. A. Kovalev, S. V. Chernichenko. M. 2008. 831 S.
11. Lukashuk I. I. Modern law of treaties. Volume I. The Conclusion of international treaties: in 2 T. M., 2004. 672.
12. Talalaev A. N. Vienna Convention on the law of treaties. Review. M., 1997. 332 p.
13. Ivanenko V. S. International treaties of the Russian regulatory legal acts // the Russian Yearbook of international law. SPb., 2014. P. 26-51.
14. Kisses, E. L., the Regulatory agreement as a source (form) of law (Review of the educational literature on the theory of law) Sources (forms) of law. Mezhevuz. the team. scientific. work. Ivanovo, 2003. P. 9-18.
15. Marchenko M. N. International Treaty as a source of modern Russian law // the Moscow University Herald. Ser. 11. Right. M., 2004. No. 3. S. 3-18.
16. Minakov A. I. international Treaty as a source of private international law (Issues of theory) // Soviet Yearbook of international law. 1986. M. - M., 1987. S. 228-241.
17. Bakhin S. V. International and national law: the ratio of the legal nature // Contemporary international law: theory and practice. M., 2015. S. 83-91.
18. Morozova L. A. the Contract in public law: legal nature, characteristics, classification. P. 15-22.
19. Tolstykh V. L. Course in international law. M., 2010. 1008 S.
20. Fedorov I. V. the Civil and arbitration proceedings as the subject of a joint international legal and interstate regulation: author. dis. ... candidate of law. N. Kazan, 2002. 32 p.

Управления акционерными обществами с государственным участием

Management of joint stock companies with state participation

Бзаров Аслан Тотразович

магистрант Северо-Кавказского Горно-Металлургического Института, кафедры
предпринимательского и трудового права

Газзаева Мадина Тотрбековна

к.п.н., доцент, кафедры предпринимательского и трудового права

Bzarov Aslan Totrazovich, master's student of the North Caucasus Mining And Metallurgical
Institute, Department of business and labor law, Gazzaev Madina Turakova, Ph. D., associate
Professor, Department of entrepreneurial and labour law

С учетом преобразований последний лет в статье исследуются актуальные вопросы участия государства в акционерном капитале. В первую очередь рассматриваются экономико-правовые формы и механизм управления государственными пакетами акций, а также акционерными обществами с государственным участием в целом. Особое внимание уделяется правовому статусу акционерных обществ с косвенным государственным участием, получающим все большее распространение в связи с очередной волной концентрации капитала (создание новых государственных корпораций и вертикально-интегрированных холдинговых компаний). Помимо этого анализируются особенности управления акционерными обществами со стопроцентным государственным участием.

Taking into account the changes of the last years, the article examines the topical issues of state participation in the share capital. First of all, we consider the economic and legal forms and mechanism of management of state blocks of shares, as well as joint stock companies with state participation in General. Particular attention is paid to the legal status of joint-stock companies with indirect state participation, which is becoming increasingly common due to the next wave of concentration of capital (the creation of new state corporations and vertically integrated holding companies). In addition, the features of management of joint stock companies with one hundred percent state participation are analyzed.

Ключевые слова: управление акционерными обществами; правовой статус акционерных обществ с косвенным государственным участием; государственные пакеты акций; управление акциями; акционерный капитал.

Key words: management of joint-stock companies; legal status of joint-stock companies with indirect state participation;

state blocks of shares; management of shares; share capital.

Мировая практика убеждает, что только с развитием корпоративной сферы экономики и, в частности, акционерных обществ с государственной долей, накапливаются значительные объемы инвестиционных ресурсов. В последние годы сформировался сильный корпоративный сектор, в основном представленный государственными корпорациями с государственной долей.

Анализ последних исследований и публикаций. Эта проблема освещена в научной отечественной и зарубежной литературе. В частности, его изучают такие ученые, как: А. Смитюх, М. В. Топчак, А. Черлак, В. Шеховцов, В. О. Шпилова, Х. Ю. Штерн, В. М. Гейец, И. К. Бондарь, В. И. Голиков, М. П. Денисенко, О. М. Вукчик, О. Р. Кибенко, В. Е. Леонтьев, И. И. Мазур, Г. В. Назарова, П. П. Самофалов, О. М. Сафронова, О. И. Пасхавер, Л. О. Птащенко, С. О. Тенков, М. В. Чечетов, М. Г. Чумаченко и другие. В то же время сложившаяся ситуация требует дальнейшего углубленного развития и совершенствования механизма управления государственным корпоративным сектором экономики. Вопросы соблюдения интересов государства как акционера остаются недостаточно разработанными. Выявление специфики развития и механизм образования форм интеграции капитала требует более детального изучения процесса развития корпоративных отношений в акционерных обществах с долей государства.

Постановка целей. Целью исследования является анализ деятельности акционерных обществ, разработка рекомендаций по совершенствованию и совершенствованию управления публичными компаниями с государственной долей, необходимость изучения особенностей корпоративного управления таких обществ, теоретических основ правильной организации управления, позволяющей всем участникам корпоративных

отношений следить за соблюдением их компаниями интересов. Необходимо установить возможность хранения или продажи небольших долей акций, принадлежащих государству.

Изложение основного материала исследования. Государственные корпорации с государственной долей и их интеграционные структуры становятся эффективными только тогда, когда выработан механизм согласования интересов между партнерами.

Если определенная доля корпоративных прав общества принадлежит государству, то на него накладывается несколько слоев интересов, которые необходимо согласовать для его эффективного функционирования. В частности, речь идет о несоответствии приоритетов корпораций и акционеров, несбалансированности государственных интересов и рыночных процессов, несогласованности интересов миноритарных и мажоритарных акционеров. Поэтому эффективная система управления корпоративным сектором Государственной экономики должна учитывать все вышеперечисленные аспекты функционирования акционерных обществ. Государственные корпорации с государственной долей и их интеграционные структуры становятся эффективными только тогда, когда выработан механизм согласования интересов между партнерами. Если определенная доля корпоративных прав общества принадлежит государству, то на него накладывается несколько слоев интересов, которые необходимо согласовать для его эффективного функционирования. В частности, речь идет о несоответствии приоритетов корпораций и акционеров, несбалансированности государственных интересов и рыночных процессов, несогласованности интересов миноритарных и мажоритарных акционеров. Поэтому эффективная система управления корпоративным сектором Государственной экономики должна учитывать все вышеперечисленные аспекты функционирования акционерных обществ.

Создание целостной системы управления экономикой государственного корпоративного сектора должно основываться на четких принципах: применение общих правил к поведению хозяйствующих субъектов; отделение функций государственного управления от экономических функций с учетом изменения отношений собственности; обеспечение эффективного организационного взаимодействия всех ветвей власти в решении экономических вопросов; соответствие организационных подразделений задачам разработки и реализации экономической политики; установление особого режима для отдельных приватизируемых предприятий, деятельность которых является приоритетной для национальной экономики; использование индивидуальных подходов к управлению государственными корпоративными правами [4].

В результате комплексного изучения корпоративного сектора установлено, что существующая практика и некоторые законодательные акты имеют в большей степени познавательно-историческую ценность, чем научно-практическую. Кроме того, следует иметь в виду, что именно сегодня законодательными и исполнительными органами предпринимаются шаги по упорядочению управления государственным имуществом

и корпоративными образованиями. Этот вопрос очень сложный, динамичный. Поэтому основной упор в работе делается на формирование корпоративного сектора, зная, что и законодательное поле, и состояние дел в корпоративном секторе имеют другие параметры и не менее сложные проблемы. Однако можно сделать определенное обобщение-результатом реформы отношений собственности стала расширенная структура государственного сектора. Управление объектами государственной собственности зависит от организационно-правовых форм, в которых они функционируют. Результаты анализа функционирования корпоративного сектора были использованы для расчета индекса корпоративного управления, построенная на основе набора показателей ее состояния и деловой практики.

Целью внедрения индекса корпоративного управления является определение взаимосвязи между управленческими качествами акционерных обществ с долей государства, в частности:

- размер компании (балансовая стоимость активов, количество сотрудников);
- уровень концентрации собственности;
- эффективность управления корпорацией;
- инвестиционные планы предприятия.

Индекс корпоративного управления для акционерных обществ с корпоративными правами государства. Компании, где доля государства в корпоративных правах превышает 75%, имеют самые низкие показатели корпоративного управления. По мере роста балансовой стоимости индекс корпоративного управления растет до определенного уровня, но затем стабилизирует свою стоимость. В международной практике, доля миноритарных и мажоритарных акционеров влияет на индекс корпоративного управления.

Индекс корпоративного управления высок для российских компаний с однородной структурой акционеров, в двух случаях:

1) все акционеры общества являются миноритарными;

2) все акционеры владеют более чем 5% акций. Самым низким является индекс корпоративного управления в случае, когда миноритарные и мажоритарные акционеры имеют номинальную стоимость от 50 до 50.

Вытеснение миноритариев и увеличение доли мажоритарных акционеров сопровождается снижением индекса корпоративного управления. После того, как доля мажоритарного акционера превышает 50% от общего числа акционеров, индекс корпоративного управления начинает расти. Эта зависимость имеет несколько иной характер по сравнению с международной практикой корпоративного управления. Согласно международному опыту, уровень корпоративного управления растет с увеличением концентрации пакетов акций, но после определенного уровня начинает снижаться.

На наш взгляд, эта разница является следствием недостаточного уровня концентрации собственности в российских акционерных обществах с государственной долей. Что касается общего распределения акционерных обществ с государственной долей России по уровню корпоративного управления, то две трети имеют четыре или менее атрибутов корпоративного управления.

Доля компаний, близких к высшему уровню корпоративного управления, составляет 17%. Доля компаний со значением индекса 100 составляет 9%. Такое разделение корпораций на группы достаточно типично и свидетельствует о распространенных тенденциях в мировой практике формирования и развития корпоративного управления. Кроме того, распределение обществ отвечает статистическим законам нормального распределения [3].

Согласно мировой практике корпоративное управление в широком смысле-это согласованные действия всех акционеров государственного предприятия, направленные на повышение эффективности, рентабельности, рентабельности. Принципы функционирования корпоративных отношений одинаковы для всех предприятий и не зависят от наличия в них государственной доли. Анализ их деятельности показывает, что государство фактически может влиять на предприятия, в которых ему принадлежат пакеты более 50% уставного капитала. Поэтому особое внимание уделяется анализу данной группы предприятий. Таким образом, несмотря на то, что в 2016 году было приватизировано несколько высокоэффективных бизнес-компаний с высокими финансово-экономическими показателями, их выход на пенсию не ухудшил общего состояния корпоративного сектора экономики, где государство сохраняет свое влияние. Кроме того, в этом секторе экономики произошли дальнейшие позитивные изменения.

Применение методов и подходов, описанных в работе по его формированию, позволяет предложить направления, в которых его воздействие будет наиболее эффективным, так как в основу его разработки был положен принцип системного подхода. Цели и задачи механизма регулирования развития корпоративного управления являются следующие. В современной российской экономике важную роль играют акционерные общества. В то же время, действующее законодательство Российской Федерации не обеспечивает достаточно полного и четкого правового регулирования деятельности акционерных обществ, что приводит к многочисленным нарушениям прав инвесторов и сдерживает инвестиционные процессы.

Текущее состояние корпоративного управления характеризуется отсутствием прозрачности в деятельности акционерных обществ с государственной долей, отсутствие координации государственных органов в сфере регулирования корпоративных отношений, неэффективное управление государственными корпоративными правами. Недостаточный уровень корпоративной культуры, несоответствие существующих практик корпоративного управления общепринятым принципам и нежелание существующих компаний осваивать их привели к непрофессиональным схемам управления компаниями. С этой целью в статье разработаны рекомендации по внедрению механизма управления субъектами хозяйствования государственных корпораций, которые, благодаря комплексу мотивационных инструментов, реализует две задачи: эффективное управление и соблюдение государственных интересов. Контроль основан на системном подходе и охватывает все акционерные общества, акционером которых вы-

ступает государство [2].

Методология оценки эффективности государственных корпораций, как и большинство других методов оценки других субъектов, базировалась в основном на экономических показателях. Экономические характеристики не всегда в полной мере отражают степень соответствия результатов деятельности субъекта предпринимательства поставленным задачам и не могут являться достоверным показателем деятельности предприятия. В большей степени это касается предприятий государственного корпоративного сектора, где, в частности, рентабельность, сроки окупаемости инвестиций не всегда актуальны для государства как акционера. Поэтому в статье предлагается модель системы показателей сбалансированности интересов акционерных обществ с государственными корпоративными правами. Модель основана на сбалансированной системе показателей и адаптирована для корпораций с разной долей государственной собственности.

Данная система позволяет решать следующие задачи: эффективно оценивать деятельность компании с учетом различной доли корпоративных прав, принадлежащих государству; формулировать и реализовывать стратегию корпорации; контролировать соблюдение государственных интересов; сбалансировать интересы собственников (в том числе государства) и менеджеров; эффективно управлять корпорацией. Модель включает четыре группы показателей: финансовые показатели, Показатели персонала, показатели внешней среды, показатели внутренних бизнес-процессов. Объединяет и балансирует данные группы показателей комплекса государственных и рыночных интересов.

Использование модели состоит из определенных шагов [1]:

- Шаг 1. Выбор параметров модели для четырех модулей: финансовые показатели, Показатели персонала, экологические показатели, показатели внутренних бизнес-процессов.

- Шаг 2. Используя метод экспертной оценки по одиннадцатибальной шкале (от -5 до +5), Определите качественные параметры показателя, где -5 – самый низкий балл, +5 – самый высокий; и степень соблюдения интересов, где -5-доминируют интересы государства, +5-корпорация действует исключительно по законам рынка.

- Шаг 3. Определение интегрального значения ключевых параметров модулей комплексной системы сбалансированных интересов акционерных обществ с корпоративными правами государства.

- Шаг 4. Перенос интегральных значений показателей в матрицу.

- Шаг 5. Оценка деятельности корпорации в зависимости от местоположения на матрице интегральных значений ключевых параметров модулей интегрированной системы сбалансированных интересов акционерных обществ с корпоративными правами государства.

Признаком сектора является доминирование государственных интересов над рыночными, значение показателя позитив-сектор подходит для размещения параметров стратегических предприятий России и тех,

где доля государственных корпоративных прав превышает 50%. Сектор характеризуется балансом рыночных интересов и интересов государства и положительными значениями показателей. Данный сектор представляет собой оптимальное сочетание параметров успешного акционерного общества с любой долей государственных корпоративных прав. Соответствует положительным значениям показателей, и преимущество рыночных интересов над государственными. Этот сектор частично приемлемыми для корпораций, где доля государства составляет менее 50%. Характеристика сектора доминирования рыночных интересов и отрицательная характеристика показателей. Если доля государства в акциях этой компании составляет более 50%, то следует пересмотреть ее систему управления, рыночную ситуацию. При условии, что доля государственных корпоративных прав составляет менее 50%, может быть целесообразным исключить предприятие из государственного реестра.

Сектор соответствует значениям показателей, близким к критическим отметкам, с учетом баланса рыночных и государственных интересов. Признаком сектора является неудовлетворительное значение показателей при уважении корпорацией интересов общества. Расположение показателей в данном секторе приемлемо для российских предприятий, для которых доля государства превышает 50%, и которые, в частности, имеют социальную направленность [4].

Доказано, что в современных условиях необходимо сформировать механизм регулирования развития корпоративных отношений, которая будет способствовать привлечению инвестиций в российскую экономику, развитие фондового рынка и рост национального богатства.

Результаты предлагаемого механизма регулирования развития корпоративного сектора:

- повышение эффективности деятельности государственных корпораций с государственной долей;
- внедрение системы показателей, определяющих эффективность деятельности государственных корпораций;
- обеспечение защиты прав и законных интересов акционеров;
- а также равное отношение к акционерам;
- популяризация фондового рынка;
- формирование привлекательного инвестиционного климата в стране и активизации инвестиционных процессов;
- содействие социально-экономическому развитию Российской Федерации.

В статье дана оценка экономических последствий их реализации. Дальнейшее развитие корпоративных отношений в России должно проходить на основе общепринятых принципов эффективного корпоративного управления с учетом мирового опыта и особенностей России [3].

Выводы из проведенного исследования. Основные

результаты исследования позволяют сделать следующие теоретические, методологические и практические выводы:

1. Совершенствование управления корпоративным сектором может быть реализовано только при условии создания эффективной системы управления государственными корпоративными правами на основе соответствующего механизма регулирования.

2. За последний год активизировался процесс передела собственности, в частности путем рейдерских захватов. В развитых странах этот процесс происходит в нужной сфере и способствует восстановлению экономики. Оккупация предприятий в России основана на несовершенстве законодательства, коррумпированности судебной системы, нецелевом использовании административного ресурса, что приводит к потерям государства. Привлекательными объектами для рейдеров являются также акционерные общества с государственными корпоративными правами.

3. Для прекращения этого процесса предлагается комплекс мер по пресечению рейдерства и ликвидации его последствий. Предложения способствуют созданию саморегулируемой системы, которая призвана защищать права собственников, предотвращая незаконный передел собственности.

В статье предлагается провести анализ деятельности государственного корпоративного сектора путем расчета индекса корпоративного управления на основе комплекса показателей состояния и практики корпоративного управления с учетом особенностей государственного сектора.

Этот механизм способствует формированию оптимальной структуры государственного корпоративного сектора путем извлечения из государственного реестра убыточных предприятий, где государству не хватает, чтобы участвовать в управлении пакета акций:

1. Для всех типов акционерных обществ, и особенно для государственных корпораций, актуальна проблема установления отношений между владельцами корпоративных прав, заинтересованными в капитализации и прибыльности корпораций, и топ-менеджментом, нуждающимся в немедленном вознаграждении.

2. Указанный механизм регулирования позволяет обеспечить защиту прав акционеров, прозрачность фондового рынка, эффективность применения к акционерным обществам процедур банкротства и их реорганизации в иные формы управления.

3. Определены направления повышения эффективности деятельности акционерных обществ, к которым относятся: применение эффективных методов корпоративного управления, выбор правильной управленческой и производственной стратегии, балансирование интересов собственников, руководителей, государства и других участников корпоративных отношений, совмещение экономической политики с социальной и их гармонизация.

Литература

1. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
2. Григорьева Н. «Золотая акция» и мировая практика ее применения //Экономическая газета. Вып. 4 (721). 2004. 20 января.
3. Дедов Д.И. «Золотая акция» и публичные интересы // Юрист. 2003.№ 9.
4. Мальгинов Г.Н. Государство как акционер в условиях российской переходной экономики // Проблемы прогнозирования. 2001. № 3. С. 62.

References

1. Raizberg B. A., Lozovskiy L. S., Starodubtseva E. B. Modern economic dictionary. 5-e Izd., pererab. I DOP. M., 2006.
2. Grigorieva N. "Golden share" and the world practice of its application //Economic newspaper. Issue. 4 (721). 2004. January 20.
3. Dedov D. I. "Golden share" and public interests // Lawyer. 2003. No. 9.
4. Malginov G. N. The state as a shareholder in the Russian transition economy // Problems of forecasting. 2001. No. 3. P. 62.

Проблемы участия государства в акционерных обществах и управления ими: правовой аспект

Problems of state participation in joint stock companies and their management: the legal aspect

Бзаров Аслан Тотразович

магистрант Северо-Кавказского Горно-Металлургического Института, кафедра
предпринимательского и трудового права

Газзаева Мадина Тотрбековна

к.п.н., доцент, кафедра предпринимательского и трудового права

Bzarov Aslan Totrazovich, master's student of the North Caucasus Mining And Metallurgical Institute, Department of business and labor law, Gazzaev Madina Turakova, Ph. D., associate Professor, Department of entrepreneurial and labour law

Аннотация. С учетом преобразований последний лет в статье исследуются актуальные вопросы участия государства в акционерном капитале. В первую очередь рассматриваются экономико-правовые формы и механизм управления государственными пакетами акций, а также акционерными обществами с государственным участием в целом.

Annotation. Taking into account the changes of the last years, the article examines the topical issues of state participation in the share capital. First of all, we consider the economic and legal forms and mechanism of management of state blocks of shares, as well as joint stock companies with state participation in General.

Ключевые слова: управление акционерными обществами; правовой статус акционерных обществ с косвенным государственным участием; государственные пакеты акций; управление акциями; акционерный капитал.

Key words: management of joint-stock companies; legal status of joint-stock companies with indirect state participation; state blocks of shares; management of shares; share capital.

Изменения социально-экономических последних двух десятилетий показывают, что наше государство, которое в качестве основной формы участия в национальной экономике выбрало собственность и управление акциями крупных экономических единиц, отказавшись от института унитарных предприятий ввиду отсутствия эффективности их деятельности.

В то же время административная реформа была ознаменована принятием Указа Президента РФ "О струк-

туре и системе федеральных исполнительных органов" от 09.03.2004 № 314[1], который называется управлением государственной собственностью, в числе основных функций федеральных исполнительных органов. Эта функция интерпретируется как осуществление прав собственника в отношении федеральной собственности, а также управление акциями федеральной собственности открытых анонимных источников. Для выполнения этой функции наряду с функцией предоставления коммунальных услуг предусмотрен особый вид федеральных исполнительных органов-федеральных агентств (на сегодняшний день их насчитывается 28). В этой связи на уровне субъектов Российской Федерации проводится административная реформа.

С учетом этих обстоятельств вопросы собственности и управления государственными акциями на данном этапе представляют значительный научный и практический интерес, поскольку они связаны с рядом нерешенных проблем.

Акционерные общества с госучастием появились в ходе приватизации, когда государственные субъекты стали главами "многомиллиардного акционерного капитала" [2]. Известно, что законодательство о приватизации (как прежнее, так и оперативное), как одна из наиболее распространенных форм приватизации, предусматривает превращение госкомпаний в акционерные (корпоративные) предприятия [3]. После такой трансформации Российской Федерации тема Российской Федерации не может осуществлять дальнейшую продажу акций, а также удерживать (фиксировать) в государственной собственности весь пакет акций компании или ее части или использовать специальное право

на участие в управлении преобразованной компанией ("Золотая акция"), если это требуется стратегическими интересами.

Еще одним способом получения акций в госимуществе является участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации в создании новых открытых анонимных акций путем введения госимущества в уставные капиталы таких компаний в качестве оплаты акций. В то же время инвестирование "неденежной" государственной собственности является одной из форм приватизации[4], а инвестирование бюджетных средств, также предполагающее появление государственной собственности эквивалентной части уставного капитала акционерного общества, выходит за рамки приватизационного законодательства и регулируется бюджетным законом, в частности статьей 80 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

На данный момент управление государственными акциями является чрезвычайно важным, более важным, чем управление государственными предприятиями, как с точки зрения стоимости объектов, так и с точки зрения перспективы. Перечень акционерных обществ с государственным участием весьма обширен, в частности, Российской Федерации принадлежит 100% акций акционерного общества "Российские железные дороги", не менее 50% плюс одна акция, которая голосует - в ОАО "Газпром", ОАО "Сбербанк России", пакеты существенных акций в акционерных обществах энергетики и электрификации (реорганизация обществ и перераспределение пакетов государственных акций еще не завершены) [8] и др.

Кризис на финансовых и фондовых рынках России, начавшийся в августе-сентябре 2008 года, скорее всего, приведет лишь к увеличению доли государства в анонимных стратегически важных компаниях. Президент и Правительство России напрямую выразили поддержку российскому фондовому рынку на сумму 500 млрд рублей[9], тогда как соответствующие расходы были заложены в федеральные бюджеты на 2008 и 2009. Кроме того, предусмотренные меры позволяют передавать через Внешэкономбанк до 50% финансовых активов национального фонда социального обеспечения для приобретения акций юридических лиц и паев (акций) инвестиционных фондов. Банк России получил право покупать ценные бумаги (включая акции кредитных организаций) на открытом рынке.

Представляется, что государственное участие в акционерных обществах является наиболее современной и эффективной формой присутствия в национальной экономике, позволяющей создавать государственно-частные партнерства, размещать ценные бумаги сугубо государственных бывших компаний на фондовом рынке, участвовать в частных инвестициях в них и оперативно изменять размеры пакетов государственных акций. Кроме того, публичное функционирование и отчетность предприятий открывают широкие возможности для привлечения кредитных ресурсов, в том числе из зарубежных источников.

Однако административное право в начале 90-х годов XX века столкнулось здесь с задачей совершенно новой. Если в управлении государственными предпри-

ятиями, учреждениями, иными объектами государственной собственности в основном использовался комплекс административно-правовых инструментов, разработанных еще советскими учеными, то механизм государственного управления действиями отечественной науки практически не исследовался. В результате появились правовые акты, абсолютно неприемлемые с сегодняшней точки зрения. Так, например, было принято постановление Правительства Российской Федерации от 12.04.1995 № 327 о передаче в доверительное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации 40% акций закрытого акционерного общества "Пушкинская, 10", находящихся в федеральной собственности.

Управление государственными акциями несколько похоже на управление государственными компаниями и учреждениями, поскольку "одна акция является как независимым субъектом управления, так и средством участия и управления акционерным обществом". Здесь можно говорить об управлении в двух направлениях: первом - управление реальными акциями, когда реализация прав собственника в отношении акций не подразумевает участия в управлении компанией; второе-управление (участие в управлении) акционерным обществом, его деятельность посредством осуществления сертифицированных акциями прав. Тем не менее, учреждения и унитарные предприятия, публичный владелец не сохраняет права собственности на имущество акционерного общества и должен действовать на основе общего законодательства об обыкновенных акциях, за некоторыми исключениями

Данное направление правоохранительной деятельности, осуществляемое без ущерба для управления акционерными обществами, допускается в следующих основных формах: 1) распоряжение акциями путем приватизации; 2) передача акций в доверительное управление; 3) передача акций государственным корпорациям и иным государственным организациям. Материальным объектом соответствующих правоотношений являются государственные ценности (ст. 130, ст. 142 ГК РФ). Управление действиями (как деятельность, реализующая право административных органов) будет опосредовать реализацию возможностей собственника по отношению к этим объектам и, с методологической точки зрения, принципиально не отличается от управления другими "вещами". Это только специализация публичных правил и процедур.

Специфика приватизации заключается в использовании специальных методов (продажа акций на специализированном аукционе, через организатора торговли на фондовом рынке, результаты доверительного управления), а также других процедурных характеристик административной деятельности. Действия стратегических акционеров включены в план прогнозирования (программу) приватизации федеральной собственности после принятия соответствующего решения президентом РФ. Следует отметить, что в последние годы перечень стратегических объектов значительно сократился, что соответствует государственной политике по отчуждению неосновного имущества-объектов, непосредственно не обеспечивающих государственных функций[6].

Передача акций в доверительное управление осуществляется на конкурсной основе, а также предполагает особый порядок действий административных органов. Возникновение Института опеки и практика ее применения к действиям с федеральным имуществом были исследованы З. Беневоленской, которая пришла к выводу о преемственности между процессом приватизации и процессом передачи в доверительное управление стратегически значимого имущества. По ее мнению, трастовая модель (когда акции передаются в частное управление) достаточно удобна, эффективна и способствует разграничению публичного и частного права.

Невозможно согласиться с такой позицией, поскольку в результате передачи акций в доверительное управление государство теряет возможность в полной мере реализовать права акционера. Фактически административный механизм реализации прав акционеров полностью заменяется гражданским правом, в котором управление акциями доверяется лицу. Если государство не намерено напрямую участвовать в управлении совместными предприятиями и владение акциями не отвечает его стратегическим интересам, то представляется целесообразным приватизировать акции. Если повышение доли в госимуществе необходимо, то они должны управляться добросовестно. Поэтому особенно неприемлемо передавать акции в доверительное управление непосредственно эмитенту (например, Газпрому) или третьим лицам (например, Транснефти), не игнорируя установленные процедуры торгов.

Последнее время все более «популярным» становится создание государственных корпораций, некоторым из которых передаются в собственность акции, принадлежащие Российской Федерации. Эффективность подобной формы управления акциями (а точнее, «избавления» публичной администрации от необходимости осуществлять права акционера) пока еще не проверена временем, однако вызывает серьезную настороженность по тем же причинам, что и передача акций в доверительное управление, – реализация прав акционера здесь не подчинена публично-правовым правилам и требованиям. Более того, государственные корпорации, за редким исключением, не ограничиваются отчуждением переданных им акций, что по существу означает возможность скрытой приватизации государственных пакетов акций помимо конкурсных процедур.

Управление (участие в управлении) акционерными обществами – основное направление деятельности по реализации закона, если только акции, находящиеся в государственной собственности, не планируются к приватизации и (или) не передаются третьим лицам. В рамках этого управления, это не продвижение само по себе, но права, удостоверенные ею. Термин "управление публичными акциями", который широко используется в действующем законодательстве, фактически относится к управлению (участию в управлении) соответствующими акционерными обществами, важнейшими формами которого являются:

- 1) осуществление прав акционера общества (основные формы));
- 2) представление государственных интересов в со-

вете директоров открытого акционерного общества (вторичная форма, дополнительная форма));

3) Участие в управлении акционерным обществом путем использования специального права - "золотой акции" (специального вида).

Нормативная база управления в основном базируется на Главе VII Федерального закона "о приватизации государственного и муниципального имущества" от 21.12.2001 № 178-ФЗ, а также на постановлениях Правительства Российской Федерации (в отношении действий, находящихся в федеральной собственности) и органов государственной власти субъектов Российской Федерации (в связи с действиями, находящимися в региональной собственности).

Однако публичное общество с ограниченной ответственностью не находится в административных отношениях с исполнительным органом государства, управляющим акциями. В этом смысле необходимо четко разграничивать административно-правовые (корпоративные) отношения, указывая на пределы государственного управления. На наш взгляд, необходимо говорить об административно-процессуальной форме волеизъявления Российской Федерации, субъекта Российской Федерации как лица, представленного в органах управления акционерного общества, и не более того.

Лица, избираемые в совет директоров компании из числа кандидатов, выдвинутых акционером-Российской Федерацией, которая является субъектом Российской Федерации, представляют интересы соответствующего государственного субъекта в этом органе. В этом случае необходимо говорить об административной процедурной форме воли члена Совета управляющих, представляющей интересы государства, включая: 1) Определение компетентного административного органа, формирующего волю (позицию) члена Совета управляющих, представляющего интересы государства.; 2) установление порядка взаимодействия между таким административным органом и другими заинтересованными исполнительными органами-порядок развития единой воли (позиции) члена Совета управляющих, представляющего интересы государства;

3) исполнение должности в письменной форме (решение, инструкция), выданное представителю - члену Совета управляющих, представляющему интересы государства.

Аналогичные формы административной процедуры используются при участии государства в управлении коммерческой компанией через "золотую акцию", которая не является гарантией, а является специальным правом участвовать в управлении открытым акционерным обществом, созданным путем преобразования государственного унитарного предприятия.

Процедура для формирования воли и выдачи директивы (решения, указания) представителей государства для участия в общем собрании акционеров, Правления, Совета директоров или работа Комитета по аудиту не имеет агентства значительные. Он отличается только тем, что здесь Представитель может быть только государственным должностным лицом, осуществляющим свою деятельность на основании Положения, утвержденного Правительством Российской Федерации или

государственным органом Российской Федерации.

Все эти отношения, регулируемые нормами публичного права, выходят за рамки акционерного права, для чего не имеет значения, в каком порядке и почему акционер (член совета директоров), в том числе государство или его представитель, формирует свою волю. Таким образом, управление (участие в управлении) акционерными обществами означает правоприменительную деятельность административных органов по формированию и формализации воли государства как акционера, а также по формализации и формализации воли члена совета директоров, представляющего интересы государства.

Деятельность представителей государства, основанная на письменных директивах и полномочиях, является не правоприменительной, а правоприменительной и направлена на обеспечение волеизъявления государства в порядке, установленном в рамках общего собрания акционеров или заседания совета директоров. Эту деятельность можно сравнить с функциями подавляемого Российского фонда федерального имущества, который также осуществлял административные акты путем заключения договоров купли-продажи объектов государственной собственности. Представитель государства в управлении публичным обществом с ограниченной ответственностью является ключевой фигурой, а роль администрации публичного общества с ограниченной ответственностью состоит по существу в управлении (управлении) деятельностью представителей, что в свою очередь обеспечивает и управление (участие в управлении) самим публичным обществом с ограниченной ответственностью. Письменная директива (решение, указание), направленная представителю, является центральным и основополагающим элементом этого управления, которое сосредоточено на соответствующей административной и процедурной деятельности. Поэтому представитель государства имеет характеристики индивидуального субъекта административно-правовых отношений с особым статусом. В этой связи желательно на законодательном уровне исключить назначение представителями государства лиц, не замещающих государственные должности, так как в противном случае такие субъекты могут привлекаться только для выполнения функций представителя на основании Гражданского договора, что несовместимо с публичным характером их деятельности и необходимостью их дисциплинарного подчинения.

Серьезной спецификой отличается управление стратегическими акционерными обществами, 100% акций которых находится в государственной собственности. В соответствии с п. 3 ст. 47 Федерального закона «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ в обществе, все голосующие акции которого принадлежат одному акционеру, решения по вопросам, относящимся к компетенции общего собрания акционеров, принимаются этим акционером единолично и оформляются письменно. При этом положения Закона, определяющие порядок и сроки подготовки, созыва и проведения общего собрания акционеров, не применяются, за ис-

ключением положений, касающихся сроков проведения годового общего собрания акционеров.

В рассматриваемой ситуации необходимость в опосредованном управлении акционерным обществом через представителя в его органах управления отсутствует. И действительно, Постановление Правительства РФ от 03.12.2004 № 738 предусматривает, что в акционерных обществах, все голосующие акции которых находятся в федеральной собственности, полномочия общего собрания акционеров осуществляются Росимуществом или иным уполномоченным федеральным агентством, а решение общего собрания акционеров оформляется его распоряжением; при этом позиция акционера – Российской Федерации в обществах, включенных в специальный перечень, определяется решением Правительства РФ, Председателем Правительства РФ или по его поручению заместителем Председателя Правительства РФ. Однако это несколько не уменьшает объема внутриаппаратной деятельности административных органов, результатом которой выступает правоприменительный акт, содержащий уже не директиву представителю государства, а решение общего собрания акционеров общества.

Управление такими акционерными обществами носит прямой, непосредственный характер (хотя и в рамках акционерного законодательства), а волеизъявление единственного акционера, которое имеет решающее значение, осуществляется в административно-процессуальной форме.

Представляется, что повышение подконтрольности и эффективности деятельности акционерных обществ с косвенным государственным участием прежде всего может быть обеспечено путем реструктуризации имущественных активов в виде присоединения таких обществ к материнским компаниям и государственным корпорациям. В качестве альтернативного варианта может быть предложено принятие материнскими обществами (посредством выдачи соответствующих директив представителям государства) либо государственными корпорациями (путем внесения изменений в соответствующие законы) внутренних актов, которые бы детально регламентировали цели и порядок реализации прав акционера в отношении подконтрольных (дочерних и зависимых) обществ.

Таким образом, управление принадлежащими государству акциями обладает существенными особенностями и требует серьезной систематизации и совершенствования экономических форм его осуществления, а также правовых механизмов регулирования соответствующих отношений. Задача повышения эффективности управления государственными пакетами акций с юридической точки зрения, на наш взгляд, не может быть решена без создания адекватной нормативной основы, в качестве которой должна выступать по меньшей мере отдельная глава Федерального закона об управлении государственной собственностью, необходимость скорейшей разработки и принятия которого ощущается все заметнее.

Литература

1. Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21.12.2001. № 178-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 251.
2. Федеральный закон «О приватизации государственного имущества и основах приватизации муниципального имущества» от 21.07.1997. № 123-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3595.
3. Указ Президента РФ «О мерах по созданию государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» от 20.03.2008. № 369.
4. Постановление Правительства РФ «О порядке передачи в доверительное управление закрепленных в федеральной собственности акций акционерных обществ, созданных в процессе приватизации, и заключении договоров доверительного управления этими акциями» от 07.08.1997. № 989 // СЗ РФ. 1997. № 45. Ст. 5193.
5. Приказ Министерства имущественных отношений РФ «О методических рекомендациях по подготовке директив представителям Российской Федерации в советах директоров акционерных обществ» от 11.02.2002. № 25 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Андреев В.К. Право государственной собственности в России. М., 2004.
7. Беневоленская З.Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства. СПб., 2012.
8. Скворцов О.Ю. Приватизационное право. М., 2018.
9. Талапина Э.В. Управление государственной собственностью. СПб., 2016.

References

1. Federal law "On privatization of state and municipal property" of 21.12.2001. NO. 178-FZ // SZ THE RUSSIAN FEDERATION. 2002. No. 4. St. 251.
2. The Federal law "On privatization of state property and bases of privatization of municipal property" of 21.07.1997. NO. 123-FZ // SZ THE RUSSIAN FEDERATION. 1997. No. 30. St. 3595.
3. Decree of the President of the Russian Federation "On measures to establish the state atomic energy Corporation "Rosatom" from 20.03.2008. No. 369.
4. Resolution of the Government of the Russian Federation "On the procedure for the transfer to trust management of federally owned shares of joint-stock companies created in the privatization process, and the conclusion of trust management contracts for these shares" dated 07.08.1997. NO. 989 // SZ THE RUSSIAN FEDERATION. 1997. No. 45. St. 5193.
5. Order of the Ministry of property relations of the Russian Federation "On guidelines for the preparation of directives to representatives of the Russian Federation in the boards of Directors of joint stock companies" dated 11.02.2002. No. 25 // ATP consultant Plus.
6. Andreev V. K. the Right of state ownership in Russia. M., 2004.
7. Benevolenskaya Z. E. Trust management of property in the field of entrepreneurship. SPb., 2012.
8. Skvortsov O. Yu. Privatization law. M., 2018.
9. Talapina E. V. Management of state property. SPb., 2016.

Гражданско-правовой механизм охраны частных, общественных и публичных интересов авторским правом

Civil legal mechanism for the protection of private, social and public interests of copyright

Бязров Сослан Варденович

магистрант Северо-Кавказского Горно-Металлургического Института, кафедра
предпринимательского и трудового права

Газзаева Мадина Тотрбековна

к.п.н., доцент, кафедра предпринимательского и трудового права

Byazrov Soslan Vardenovich, master's student of the North Caucasus Mining And Metallurgical Institute, Department of business and labor law, Gazzaev Madina Turakova, Ph. D., associate Professor, Department of entrepreneurial and labour law

Аннотация. В статье гражданско-правовой механизм правовой охраны и правового регулирования исследуется как в общеправовом аспекте, так и применительно к авторскому праву. Дается авторское определение механизма гражданско-правовой охраны частных, общественных и публичных интересов авторским правом и описывается его структура.

Ключевые слова: гражданско-правовой механизм охраны, правовое регулирование, частные интересы, общественные интересы, публичные интересы, баланс интересов.

Abstract. In article the civil-legal mechanism of legal protection and legal regulation is investigated both in General legal aspect, and in relation to copyright. The author defines the mechanism of civil protection of private, public and public interests by copyright and describes its structure.

Key words: civil law protection mechanism, legal regulation, private interests, public interests, public interests, balance of interests.

Нынешний уровень развития государства и общества предполагает не только признание субъектами определенных гражданских прав и законных интересов, но и обеспечение их надежной правовой защиты. Несмотря на широкое использование в научной литературе понятия "правовая защита", его общепринятого определения не существует. В регламенте содержание также практически не разглашается. Однако не секрет, что в законе определение понятий имеет большое теоретическое и практическое значение.

Как правильно указывает Е. В. Вавилин, "определение, как точное отражение объективной реальности, чрезвычайно важно" [1, стр. 8]. В некоторых нормативных актах раскрывается концепция защиты конкретных объектов. Так, согласно ст. 2 ФЗ "Об охране окружающей среды", охрана окружающей среды (далее также экологическая деятельность) – это деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, местных органов власти, общественных объединений и других некоммерческих организаций, юридических лиц и физических лиц, с целью сохранения и восстановления природной среды, рационального использования и воспроизводства природных ресурсов, предотвращения негативного воздействия хозяйственной деятельности и иной на окружающую среду и ликвидацию ее последствий.

Статья 1 Водного кодекса Российской Федерации определяет охрану водоемов как систему мер по поднятию и восстановлению водоемов. В соответствии со статьей 209 Трудового кодекса Российской Федерации – система жизнеобеспечения и охраны здоровья работников в ходе трудовой деятельности, включая правовую, социально-экономическую, организационно-техническую, санитарно-гигиеническую, медицинскую и профилактическую, реабилитационно-иные меры (ТК). Концепция правовой защиты раскрывается в тематических исследованиях. Например, Ж. Д. Лихачев дает следующее определение гражданской защиты личной жизни: "гражданской защиты личной жизни – это систе-

ма мер, гражданских, установленного государством, и способов обеспечения свободы гражданина определить поведение в индивидуальной жизни, по своему усмотрению, исключая вмешательство в личную жизнь других, за исключением случаев, прямо установленных законом" [2, Стр. 28].

Таким образом, правовая защита понимается как система правовых мер и средств, направленных на обеспечение выполнения определенных задач в соответствующей области связей с общественностью. Такой подход, как отмечает К. К. Хасанов, основан на теории функций права. Роль права понимается как "направление правового влияния на социальные отношения посредством однородных задач, объединенных единой целью" [3, стр. 20].

Правила авторского права призваны обеспечивать и осуществлять:

- частные интересы авторов и правообладателей в закреплении прав авторов на творческие произведения;

- признание автора;

- возможность контроля за использованием произведений и получения от него материальных благ;

- общественный интерес в возможности доступа к произведениям науки, литературы и искусства, к образованию, культурному развитию, обмену информацией;

- общественные интересы, которые, с одной стороны, являются частными, когда государство является правообладателем, а, с другой, выражаются в содействии общему правопорядку, развитию творчества, науки и культуры – вторая является функцией государства, т. е. ее можно назвать функцией процента.

Можно сказать, что правовая защита интересов частного, публичного и общественного авторского права представляет собой систему правовых мер, регламентированных с целью обеспечения реализации и баланса этих интересов между субъектами авторского права и иными лицами в процессе создания и использования произведений науки, литературы и искусства. Однако необходимо подчеркнуть, что указанные интересы прямо не закреплены в Российском авторском праве, что, безусловно, можно отнести к недостаткам Российского авторского права.

Необходимость их защиты вытекает из конституционного провозглашения их объективных прав и охраняемых законом интересов (таких, как право на свободу творчества и защиту интеллектуальной собственности, право на образование и доступ к культурным ценностям, право на информацию и др.). В юридической науке продолжается дискуссия о взаимосвязи понятий "правовая охрана" и "правовая защита". Часто используются как синонимы. Существует также широкое понимание правовой защиты и четкое разграничение. На наш взгляд, целесообразно проводить различие между понятиями "защита" и "охрана".

Как отмечает А. А. Рябов, "когда речь идет о защите, то речь идет о соответствующем реагировании правоохранительных органов на реальное преступление.

Защита не обязательно должна быть связана с конкретными преступлениями. Это также происходит, когда

используются превентивные меры, такие как контроль" [4, С. 24]. Сегодня наиболее глубоко укоренилось, особенно в цивилизации, понимание защиты в самом широком смысле этого слова. При этом меры гражданской защиты включают в себя все меры, гарантирующие развитие гражданских отношений в их нормальном, ненасильственном состоянии и направленные на восстановление нарушенных или оспариваемых прав.

Наряду с этим широким пониманием защиты понятие защиты в строгом смысле этого слова также используется в науке и законодательстве. В данном случае речь идет только о средствах защиты нарушенных прав и законных интересов. Этот подход, по-видимому, хорошо обоснован и поддерживается большим количеством мнений в различных областях права.

Так, по словам В. А. Тарасова, "защита прав заключается не только в восстановлении нарушенного права, но и в создании таких условий, при которых субъективные права граждан будут свободно удовлетворены" [5, стр. 23-24]. В этом исследовании также используется понимание правовой защиты частных, государственных и общественных интересов в широком смысле – в виде пакета мер гражданского права, посредством которых применение частных, государственных и общественных интересов в отношениях авторского права.

Наряду с Концепцией правовой защиты широко используется также концепция правового регулирования. Правовое регулирование в целом понимается как весь процесс правового влияния на социальные отношения. Как подчеркнул А. В. Малко, "правовое регулирование как инструмент социального управления предназначено для рационализации социальных отношений, обеспечения реализации положительных интересов субъектов" [6].

Понятие правового регулирования практически совпадает с понятием правовой защиты в широком смысле этого слова: оно также осуществляется с помощью надлежащих правовых мер для воздействия на связи с общественностью, установления общеобязательных норм поведения, закрепленных в правовых нормах. Правовые меры являются частью более общей концепции-правового механизма. Значение слова "механизм" раскрывается как "система, внутреннее устройство, определяющее порядок любой деятельности, процесса" [7]. В области юридических наук, "механизм" широко используется: "механизм реализации права", "механизм реализации правовой", "механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина", "механизм права собственности", "механизм реализации прав и свобод личности", "механизм защиты субъективных прав" и т. д.

В каждом случае рассматриваются элементы соответствующего правового механизма, этапы его реализации. В юридической литературе подробно рассматривается механизм правового регулирования. Выделены несколько этапов правового регулирования. Первый этап-регулирование правоотношений, требующих правовой медиации. Главным элементом здесь являются нормы права. Вторая-это применение правовых норм, порождающих или изменяющих правоотношения, то есть стадия возникновения и осуществления правоотношений.

ношений. Третья стадия-реализация субъективных прав и обязанностей. Последний этап, на котором я действительно нахожусь, - это правоохранительные органы.

Также к характеристике правового механизма применяется подход, называемый инструментальным, согласно которому считается, что правовой механизм представляет собой совокупность правовых инструментов, предназначенных для решения соответствующих задач в правовой среде. Средство правовой охраны может рассматриваться как средство правовой защиты или средство достижения правового результата.

Однако и Г. Ф. Шершеневич отмечал, что "правовые средства обеспечения интересов предполагают действенную волю, способную ассимилировать угрозу и воздерживаться от нарушения" [8, С. 639]. В теории права средства правовой защиты играют первостепенную роль. А. В. Малько указывает, что право в целом можно оценивать "как средство (инструмент) решения практических проблем общества, удовлетворения интересов личности" [6].

В теории права средства правовой защиты классифицируются по различным причинам, например, по типу регулируемых общественных отношений (гражданских, административных, конституционных и др.

В то же время правовые средства не могут эффективно выполнять свои функции отдельно, в совокупности они являются не только механическим дополнением, но и определенной системой с ее общей целью и внутренними связями. Интегрированные в систему правовые средства представляют собой новое образование, правовой механизм. Как отметил А. В. Малько, "этот механизм представляет собой совокупность правовых элементов, с одной стороны, разного характера и функций, а с другой-все еще взаимосвязанных общей целью в единой системе" [6].

Он определяет механизм правового регулирования как систему правовых средств, "организованную самым последовательным образом для преодоления препятствий на пути удовлетворения интересов субъектов права" [6]. С. С. Алексеев подчеркнул важность правовой системы. По его мнению, "из-за системного характера юридически разнородные правовые нормы способны регулировать социальные отношения системно, то есть в сложных и взаимосвязанных методах, обеспечивая дифференцированное и в то же время единое и скоординированное влияние на социальные отношения" [10, стр. 72].

В то же время в механизме правового регулирования имеются такие элементы, как верховенство права, правовые факты, правовые отношения, осуществление прав и обязанностей, мера защиты. Правовые средства и правовые механизмы являются важными инструментами обеспечения интересов граждан, других субъектов, общества и государства. Интересы играют решающую роль в поведении людей и в правовых отношениях. Естественно, что с точки зрения правовой защиты речь идет только об интересах, защищаемых законом, на основе закона.

Интересы, противоречащие нормам закона, морали, морали, не защищены законом. Функция обеспечения интересов субъектов права и достижение целей право-

вого регулирования является также одним из признаков правовых средств, то есть, цель воздействия юридических средств достижения правовой результат, который всегда основана на каком-либо интересе. Эти подходы, на наш взгляд, вполне применимы к характеристикам механизма гражданской защиты, с помощью которого мы понимаем в данном исследовании систему гражданских ресурсов.

Мы определим конкретные правовые средства защиты частных, государственных и общественных интересов в сфере авторского права в их взаимосвязи и взаимоотношениях. Цели правовой охраны авторского права и охраняемые законом об авторском праве интересы предполагают, что механизм гражданской защиты интересов частного, публичного и публичного авторского права представляет собой систему ресурсов и методов, обеспечивающих реализацию этих интересов в процессе создания и использования произведений науки, литературы и искусства. Правовой механизм является достаточно сложным системным образованием и в ряде случаев может представлять собой совокупность различных механизмов, выступающих в качестве структурных элементов принципа.

Однако гражданские ресурсы могут быть сгруппированы и систематизированы по-разному для достижения конкретной цели или обеспечения соответствующих интересов. В этом случае гражданские средства правовой защиты также являются прямым способом реализации одних интересов и структурным элементом другого механизма.

С учетом особенностей правовой природы объекта охраны, особенностей отношений, регулируемых законодательством об авторском праве, наличия разносторонних интересов субъектов авторского права, структуры механизма гражданско – правовой защиты интересов частного, публичного и публичного авторского права можно широко охарактеризовать положения:

- динамики отношений автор – юридические лица;
- видов авторского права;
- содержания отношений автор-юридическое лицо;
- содержания отношений автор-юридическое лицо;
- уровень регулирования авторско-правовых отношений;
- интересы защищены авторским правом.

Следует отметить, что все структурные элементы правовой базы гражданской защиты интересов частного, публичного и публичного права автора связаны с общими целями правового регулирования, гарантирующими устойчивостью и безопасностью всей системы. Это выражение принципа единства и дифференциации механизма гражданской защиты.

По словам Н. Д. Егорова, подробно изучившего проявления принципа единства и дифференциации в гражданско-правовых отношениях, этот принцип применяется в гражданском праве при строительстве практически всех уровней системы этой отрасли, а также при организации различных систем, разработанных нормами гражданского права-системы обязательств, контрактов и т.д. [11].

Следует отметить, что конкретные цели правового регулирования авторского права, как и в других обла-

стях права, не всегда прямо закреплены и отражены в совокупности норм, регулирующих определенные правовые отношения. Например, российское гражданское право на авторское право не декларирует частные интересы.

Защита частных интересов авторов и иных правообладателей осуществляется путем фиксации набора прав автора в случаях и порядке, определенных законом, в создании условий для реализации и охраны авторских прав. Защита общественных интересов также направлена на установление ограничений и исключений из авторского права.

Исходя из вышесказанного, можно выделить следующие структурные элементы в правовом механизме защиты частных, государственных и общественных интересов.

Один механизм гражданского права свободного использования произведений, который направлен на обеспечение общественных интересов. В то же время существует три основных гражданских юридических средства в этом механизме:

- составление перечня прав интеллектуальной собственности;
- нормативно-правовая консолидация критериев предоставления правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности по авторскому праву;
- нормативная консолидация видов результатов интеллектуальной деятельности, не защищенных авторским правом.

Эти гражданские средства правовой защиты являются исключениями из авторского права. В этом случае авторские права (ни личные, ни имущественные) не возникают, соответственно, произведения науки, литературы и искусства могут быть использованы в любом случае всеми людьми свободно.

1. Механизм охраны авторского права. Он начинает работать в случае авторских прав и является центральным. Большинство норм авторского права направлены на установление порядка их происхождения и применения. Юридическим фактом, словно "запустившим" весь механизм защиты авторских прав, является факт создания произведения, творческого произведения автора. Передача набора авторских прав отдельным субъектам направлена на удовлетворение частных интересов участников авторских отношений. Отношения авторского права в его развитии проходят определенные этапы: рост, реализация и защита.

Особенностью авторско-правовых отношений является наличие особой стадии в механизме охраны исключительных авторских прав, а именно прекращения действия исключительных прав вследствие истечения срока охраны, которая отсутствует в гражданско-правовом механизме охраны личных авторских прав. При этом уничтожение материального носителя произведения не является основанием для прекращения авторских прав – ни личных, ни исключительных.

Поэтому с точки зрения динамики развития авторско-правовых отношений в гражданско-правовом механизме охраны авторских прав можно выделить гражданско-правовой механизм возникновения и осуществления авторских прав и гражданско-правовой ме-

ханизм защиты авторских прав. На стадии осуществления исключительных авторских прав появляется особое гражданско-правовое средство – ограничение указанных прав.

В процессе осуществления авторских прав происходит столкновение интересов авторов, иных правообладателей и общества, то есть частных и общественных интересов. Для обеспечения охраны общественных интересов в авторском праве нормативно устанавливаются определённые случаи использования охраняемых авторским правом результатов интеллектуальной деятельности без разрешения автора, но с соблюдением личных прав. Указанные случаи являются ограничениями исключительных авторских прав.

Таким образом, в механизме охраны исключительных авторских прав можно выделить ограничения исключительных прав как средство охраны общественных интересов. В механизме охраны личных авторских прав указанное гражданско-правовое средство отсутствует.

Как известно, авторские права делятся на три вида: личные, исключительные и иные, которые тесно связаны между собой. Они возникают одновременно, но в процессе их осуществления и защиты имеют особенности, влияющие на охрану частных, общественных и публичных интересов.

Исследуя гражданско-правовой механизм охраны авторских прав с точки зрения видов авторских прав, можно отметить, что гражданско-правовой механизм охраны авторских прав обладает признаком единства и дифференциации в зависимости от вида авторского права, проявляющимся в том, что внутри каждого структурного элемента гражданско-правового механизма охраны авторских прав присутствуют ещё три гражданско-правовых механизма: охраны личных авторских прав, исключительных авторских прав и охраны иных прав. В праве достаточно распространённым является деление юридических норм на регулятивные и правоохранительные.

В механизме возникновения и осуществления авторских прав можно выделить и гражданско-правовые средства регулятивно-статистического характера, направленные на определение порядка и условий возникновения авторских прав, и гражданско-правовые средства регулятивно-динамического характера, направленные на определение порядка и условий осуществления авторских прав, которые в законодательстве могут обособляться. Так, например, нормы о порядке возникновения и осуществления авторских прав сгруппированы в гл. 70 ГК РФ, а нормы о защите нарушенных прав расположены в гл. 69 «Общие положения». Особенности применения норм гражданско-правовой ответственности при нарушении исключительных прав реализуются через общие нормы ст. 1250–1252 ГК РФ.

Одной из стадий механизма правового регулирования является правоприменение, которое включает в себя как правореализацию, так и защиту. Правореализация представляет собой осуществление субъектами соответствующих отношений своих субъективных прав в конкретной ситуации. Правореализация не обязательно предполагает нарушение прав. Например, предоставление за вознаграждение права использования

произведения на основании лицензионного договора представляет собой реализацию права автора на получение вознаграждения и права на распоряжение исключительным правом. В то же время осуществление действий по защите нарушенного права представляет собой также реализацию права на защиту.

Гражданско-правовой механизм защиты авторских прав начинает действовать в случае возникновения правонарушения, то есть такого юридического факта, как неправомерные действия. При реализации механизма защиты авторских прав также необходимо наличие самого факта правонарушения, однако гражданско-правовые средства будут различны при нарушении

личных авторских прав и исключительных. Таким образом, в обеспечении охраны частных, общественных и публичных интересов авторским правом главную роль играет гражданско-правовой механизм, направленный на достижение баланса названных интересов.

Указанная задача достигается в результате наличия в авторском праве гражданско-правовых средств охраны авторских прав и гражданско-правовых средств, ограничивающих и исключающих действие авторских прав, единство и дифференциация которых является залогом реализации законных интересов всех участников авторско-правовых отношений и развития творческой деятельности.

Литература

1. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Волтерс Клувер, 2016. – 225 с.
2. Лихачев Г.Д. Гражданское право. Общая часть. – М.: Юстицинформ, 2015. – 432 с.
3. Гасанов К.К. Конституционный механизм защиты основных прав человека. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. – 431 с.
4. Рябов А.А. Охрана права государственной собственности на природные ресурсы СССР: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1984. – 53 с.
5. Тарасова В.А. Охрана прав граждан в пенсионном обеспечении. – М: Изд-во Моск. ун-та, 2018. – 118 с.
6. Малько В.А. Механизм правового регулирования // Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – URL: <http://bibliotekar.ru/teoria-gosudarstvai-prava-1/index.htm>, свободный.
7. Общий толковый словарь русского языка. – URL: <http://tolkslovar.ru/m4593.html>, свободный.
8. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М.: Изд-во бр. Башмаковых, 1912. – 698 с.
9. Чельшев М.Ю. Межотраслевые связи исполнительного процессуального права // Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы / Под ред. Д.Х. Валеева, М.Ю. Чельшева. – М.: Статут, 2017. – С. 57–79.
10. Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юрид. лит., 1975. – 264 с.
11. Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 2008. – 176 с.

References

1. Vavilin E. V. Implementation and protection of civil rights. – М.: Volters Kluver, 2016. 225 p.
2. Likhachev G. D. Civil law. Common part. – М.: Yustitsinform, 2015. – 432 p.
3. Hasanov K. K. constitutional mechanism for the protection of fundamental human rights. – М.: YUNITI-DANA, 2014. – 431 p.
4. Ryabov, A. A. Protection of right of state ownership of natural resources of the USSR: Avtoref. dis. ... d-RA yurid. sciences'. – М., 1984. 53 p.
5. Tarasova V. A. Protection of the rights of citizens in pension provision. – М: Moscow Publishing house. UN-TA, 2018. – 118 p.
6. Malko V. A. Mechanism of legal regulation // Theory of state and law / Ed. So. Matuzova, A.V. Malko. – URL: <http://bibliotekar.ru/teoria-gosudarstvai-prava-1/index.htm>, free.
7. General explanatory dictionary of the Russian language. – URL: <http://tolkslovar.ru/m4593.html>, free.
8. Shershenovich G. F. General theory of law. – М.: Publishing house br. Shoemakers, 1912. – 698 p.
9. Chelyshev, M. Y. inter-industry linkages Executive procedural law // Executive production: procedural nature and civil bases / ed. by D. Kh. Valeev, M. Y. Chelysheva. – Moscow: Statute, 2017. – P. 57-79.
10. Alekseev S. S. Soviet law Structure. – М.: Yurid. lit., 1975. – 264 p.
11. Egorov N. D. Civil-law regulation of public relations: unity and differentiation. – Л.: Publishing house lenigr. UN-TA, 2008. – 176 p.

О гражданско-правовом и международно-правовом режимах охраны имущества Российской Федерации, находящегося за рубежом

About civil and international legal regimes of overseas property protection of the Russian Federation

Бязров Сослан Варденович

магистрант Северо-Кавказского Горно-Металлургического Института, кафедры
предпринимательского и трудового права

Газзаева Мадина Тотрбековна

к.п.н., доцент, кафедра предпринимательского и трудового права

Byazrov Soslan Vardenovich, master's student of the North Caucasus Mining And Metallurgical
Institute, Department of business and labor law, Gazzaev Madina Turakova, Ph. D., associate
Professor, Department of entrepreneurial and labour law

Аннотация. Гражданско-правовой и международно-правовой режим охраны имущества государства, обусловлен нахождением такого имущества на территории другого государства. Соответственно, такое положение, обуславливает необходимость применения в отношении такого имущества особых комплексных межотраслевых режимов охраны, включающих в себя средства охраны в соответствии с законодательством как страны места нахождения имущества, так и страны его принадлежности.

Annotation. Civil and international legal regimes of property protection of the state are based on being this kind of property on the territory of another country. Accordingly, such provision is due to necessity of using in case of such property complex, inter-branch guarding regimes, which include guarding means under applicable law of the country whether the property is and also owner country.

Ключевые слова: режим охраны; межотраслевой режим охраны; средства охраны; охранная функция государства; управление объектами государственной собственности.

Keywords: protection regime; inter-branch guarding regime; guarding means; guarding responsibility of the state; state property management.

Нахождение объектов государственной собственности на территории другого государства обуславливает необходимость применения в отношении такого имущества особых комплексных межотраслевых режимов охраны, включающих в себя средства охраны в соответствии с законодательством как страны места нахожде-

ния имущества, так и страны его принадлежности (страны-собственника)[2].

Кроме того, отношения, возникающие в этой связи, регулируются соответствующими нормами международного права, которые закрепляют международно-правовой режим защиты государственной собственности.

Таким образом, изучение вопросов, касающихся правовой защиты иностранного имущества Российской Федерации[4], основано на анализе взаимосвязи между гражданскими и международными правовыми режимами защиты, выраженными в соответствующих правовых учреждениях.

В целом необходимо рассматривать нормы, устанавливающие такую защиту, как специальное межсекторальное учреждение. По нашему мнению, защита государственной собственности является одним из социальных и правовых средств, с помощью которых осуществляется экономическая функция государства[6].

Непосредственное выполнение этой функции государственной безопасности осуществляется через орган управления. В то же время управление объектами, находящимися в государственной собственности, в том числе находящимися за рубежом, рассматривается как комплекс мер, принимаемых государственными органами (правовыми и реальными действиями) с целью получения необходимого эффекта от использования этих объектов и обеспечения их необходимой правовой защиты, включая защиту.

Это государственное управление проявляется в разработке единого подхода (концепции) и в координации

процессов управления общественными благами, установленными в различных ведомствах, как внутри страны, так и за ее пределами. При этом под концепцией государственного регулирования объектов государственной собственности понимается единый подход, разработанный и утвержденный Правительством Российской Федерации на основе соответствующего Федерального закона о стратегическом развитии и управлении различными объектами государственной собственности, в рамках которого принимаются программы развития, управления, охраны и охраны отдельных объектов ведомственной и межведомственной собственности.

В этой концепции следует учитывать, что в отношении публичной собственности в зарубежных странах деятельность по защите субъекта права представляет собой, в целом, комплекс мер гражданского и международного права, направленных на обеспечение эффективного использования публичной собственности с целью предотвращения незаконного вмешательства в ее целостность, материальную и нематериальную.

Кроме того, на наш взгляд, единый подход должен отражать целостное научное видение режима правовой охраны государственной собственности за рубежом.

Считается, что режим правовой защиты государственной собственности за рубежом относится к системе деятельности в области гражданского права и международных усилий по сохранению, восстановлению, приумножению и защите активов государственного управления, находящихся в ведении государства.

Назначение режима охраны имущества государства за рубежом является гарантией способности государства владеть принадлежащим ему имуществом, а его специфика (определение имущества под юрисдикцией не менее двух государств) заключается в характере трех уровней правового режима: использование национального режима местонахождения имущества за рубежом, национального режима правообладателя и международного правового режима.

Применение режима правовой защиты имущества государства, находящегося за границей, с точки зрения используемых правовых документов носит междисциплинарный характер и состоит из двух компонентов: публичного и частного права.

Первая - это международная и национальная правовая система (административная, финансовая и т.д.), инструменты (превентивные, превентивные меры (ограничения, разрешения и т.д.)), с помощью которых осуществляется сама деятельность по обеспечению безопасности, с целью создания предпосылок для предотвращения несанкционированного вмешательства в целостность имущества государства.

Компонент частного права, в свою очередь, предусматривает меры по защите (самооборона, притязания и т.д.), а именно активные меры, направленные на восстановление нарушенных прав правообладателя. В рамках режима гражданско-правовой охраны государственной собственности России за рубежом (маркировка компонент частного права) предполагается комплекс мер, гражданско-правовых, направленных на обеспечение полномочий государства как собственника в отношении имущества, находящегося на любой базе в

юрисдикции или управлении третьих лиц, осуществляющих полномочия собственника, в соответствии с законодательством Российской Федерации, в то время как международно-правовой режим защиты предполагает комплекс мер, предусмотренных международными соглашениями и нормами, направленными на обеспечение целей государственной собственности Российской Федерации, находящихся за ее пределами, режима полного ограничения или исключения оборота страны, в которой они находятся[5].

Изучение структуры гражданского права и правовых режимов защиты государственной собственности, расположенной за рубежом, с точки зрения необходимости обеспечения публичных интересов (безопасности государственной собственности) приводит к выводу, что неотъемлемой частью таких режимов, которые должны быть закреплены в нормативной системе - это система правовых ограничений для сведения к минимуму возможных случаев несанкционированного отчуждения имущества, и создание препятствий для их незаконного использования.

В этом сообществе правовых режимов было выражено единство исследуемых режимов защиты. Единство рассматриваемых режимов также рассматривается в другом аспекте. Для достижения максимальной эффективности управления объектами, находящимися в собственности государства за рубежом, взаимосвязь между международными правовыми и гражданскими режимами защиты этих объектов должна основываться на принципе взаимодополняемости и не может определяться системой "базовый-вспомогательный режим".

Применение гражданского права и международно-правовых режимов защиты иностранного имущества Российской Федерации может быть связано с договорными и внеконтрактными отношениями как при непосредственном участии Российской Федерации, так и без такого участия. В этом случае одной из ключевых проблем на практике является вопрос об отказе от иммунитета государств в коммерческих сделках[3]. По нашему мнению, такой отказ должен осуществляться на основе и в форме, предусмотренной специальным федеральным законом об иммунитете государств.

Этот закон, помимо общего определения иммунитета государств, предусматривает ряд правовых процедур, связанных с ограничением или отказом. Например, ратификация соглашения о предоставлении Российской Федерацией и ее контролируемые организациями государственных гарантий исполнения обязательств перед третьими лицами на основе отдельного федерального закона о государственных гарантиях.

Следует отметить, что всестороннее изучение правовых режимов защиты иностранной собственности Российской Федерации и их практического применения позволяет оценить не только фактическое состояние такой защиты, но и обратить внимание на некоторые чисто внутренние проблемы такой защиты в отношении любой государственной собственности.

Таким образом, рассмотрение в качестве право-гражданского средства защиты от конфискации государственного имущества в целях удовлетворения потребностей государства, гегализации и других ана-

логичных принудительных методов приводит к выводу о необходимости детального регулирования на законодательном уровне правовых процедур замены экономического или оперативного управления имуществом, используемым неадекватно или неэффективно.

Здесь следует отметить, что общие положения статьи 299 Гражданского кодекса, предусматривающие возможность законного изъятия по решению собственника имущества, находящегося в распоряжении третьих сторон, по праву хозяйственного или оперативного управления при отсутствии реального механизма, в определенной степени декларативны. Кроме

того, исследование правового механизма банкротства юридических лиц под его юрисдикцией, и управление, являются объектами государственной собственности, приводит к выводу, что необходимо изменить процессуальное законодательство Российской Федерации и, непосредственно, в законе о банкротстве с точки зрения обеспечения участия прокурора или другого участника, уполномоченного государством в начале процедуры банкротства, и на всех этапах в отношении юридических лиц, юрисдикции и управления, в котором имеются объекты, принадлежащие государству.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 года № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации».
2. Постановление Правительства от 5 января 1995 г. N 14 "Об управлении федеральной собственностью, находящейся за рубежом".
3. Постановление Правительства РФ от 3 июля 1998 г. N 696 "Об организации учета федерального имущества и ведения реестра федерального имущества".
4. Постановление Правительства РФ от 3 июля 1998 г. N 696 "Об организации учета федерального имущества и ведения реестра федерального имущества".
5. Постановление Правительства РФ от 14 января 2002 г. N 10 «Об утверждении порядка отчуждения федерального недвижимого имущества, находящегося за границей».
6. Постановление Правительства РФ от 27 ноября 2004 г. N 691 "О Федеральном агентстве по управлению федеральным имуществом".
7. Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2005 г. N 1090-р «О продаже Росимуществом, находящихся в федеральной собственности пакетов акций и долей участия в уставных капиталах ряда акционерных обществ, находящихся за рубежом».
8. Постановление Правительства РФ от 16 июля 2007 г. № 447 «О совершенствовании учета федерального имущества».
9. Концепция развития гражданского законодательства РФ/www/privlaw.ru/
10. Ибатулина Р.З. Гражданско-правовой режим управления общим недвижимым имуществом в многоквартирных домах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Казань, 2007. - 24 с.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

References

1. The decree of the President of the Russian Federation of July 18, 2008 No. 1108 "On improvement of the Civil code of the Russian Federation".
2. Resolution of the Government of January 5, 1995 N 14 "About management of the Federal property which is abroad".
3. The order of the Government of the Russian Federation of July 3, 1998 N 696 "About the organization of accounting of Federal property and maintaining the register of Federal property".
4. The order of the Government of the Russian Federation of July 3, 1998 N 696 "About the organization of accounting of Federal property and maintaining the register of Federal property".
5. The order of the Government of the Russian Federation of January 14, 2002 N 10 "About the statement of the order of alienation of the Federal real estate which is abroad".
6. The order of the Government of the Russian Federation of November 27, 2004 N 691 "About Federal Agency for management of Federal property".
7. Order of the Government of the Russian Federation of July 30, 2005 N 1090-p "About sale by Rosimushchestvo, the packages of shares which are in Federal property and shares in authorized capitals of a number of the joint-stock companies which are abroad".
8. Resolution of the Government of the Russian Federation of July 16, 2007 № 447 "On improvement of Federal property accounting".
9. Concept of development of civil legislation of the Russian Federation/www/privlaw.ru/
10. Ibatullina R. Z. Civil-legal regime of management of common real estate in apartment buildings: autoref. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. - Kazan, 2007. - 24 p.
11. The resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10 October 2003 No. 5 "On application by courts of General jurisdiction generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation".

Развитие саморегулируемых организаций в России

The genesis of self-regulatory organizations in Russia

Джиоев Сандро Вячеславович

магистрант Северо-Кавказского Горно-Металлургического Института, кафедра
предпринимательского и трудового права

Газзаева Мадина Тотрбековна

к.п.н., доцент, кафедра предпринимательского и трудового права

Sandro V. Dzhioev, master's student of the North Caucasus Mining And Metallurgical Institute,
Department of business and labor law, Gazzaev Madina Turakova, Ph. D., associate Professor,
Department of entrepreneurial and labour law

Аннотация: Статья посвящена исследованию в хронологической последовательности развития саморегулируемых организаций в России. В результате изучения было получено, что данное понятие имеет богатую историю, и в России и Средневековье объединение торговцев можно считать первыми прототипами саморегулируемых организаций. В статье раскрываются преимущества, которые получает организация при вступлении в СРО. Проведен анализ территориального распределения саморегулируемых организаций в нашей стране.

Summary: The article is devoted to the study of the chronological sequence of development of self-regulatory organizations in Russia. As a result of the study, it was found that this concept has a rich history, and in Russia and the middle Ages the Association of traders can be considered the first prototypes of self-regulatory organizations. The article reveals the advantages that the organization receives when joining the SRO. The analysis of the territorial distribution of self-regulatory organizations in our country.

Ключевые слова: саморегулирование, саморегулируемые организации, лицензия, профессиональная деятельность.

Keywords: self-regulation, self-regulatory organizations, licensing, professional activities.

Исследование саморегулирования его происхождения, развития дает возможность выявить его предпосылки возникновения, особенности функционирования на современном этапе хозяйствования, а также спрогнозировать дальнейшее развитие.

Многие считают, что понятие саморегулируемая организация появилось относительно недавно, тогда как данные организации имеют богатую историю. Во время Средневековья объединения людей в группы, занимающихся одним ремеслом, можно рассматривать как некое подобие саморегулируемых организаций сегодня.

Принцип саморегулирования известен в России достаточно давно. Доказательством этому выступает тот факт, что такие государственные институты как адвокатура и коллегии адвокатов, образованные во второй половине XIX века, согласно действующей на тот период реформе 1864 года, должны были существовать как саморегулируемые организации.

Утверждение такого правового института, как адвокатура, предусматривало образование Совета присяжных в каждом судебном совете. Созданный Совет учитывал утвержденные требования и правила, которые касались этических норм ведения адвокатской деятельности, но также разработал принципы и приемы адвокатской техники, в связи с тем, что России отсутствовали какие-либо традиции в данной сфере. Советом также осуществлялись прием новых адвокатов, контроль соблюдения установленных норм и правил, а также применение мер воздействия за невыполнение. По желанию государства был создан институт присяжных поверенных, хотя существующая на тот период реформа не предусматривала введения адвокатской монополии на представлении интересов в суде, вступать в число присяжных поверенных можно было добровольно [1, с. 90].

Созданную в 1870 году Московскую биржу, тоже можно отнести к саморегулируемым организациям. Биржей устанавливались правила, нормы ведения торгов, контроль за их соблюдением и привлечение к ответственности в случае нарушения.

В настоящее время отечественные предприятия стараются применять в своей деятельности принцип саморегулирования, который как показывает практика, является еще недостаточно разработанным для внедрения его бизнес, так как нормативная база еще не конца сформирована. Создаваемая система саморегулирования в России базируется не на своем историческом опыте, а на американской системе. Отсутствие единой

нормативной базы саморегулируемых организаций приводит к тому, что в работе на сегодняшний момент присутствует некоторая неопределенность.

Основываясь на историю, можно говорить, что первые правила и стандарты, связанные с саморегулируемыми организациями, относятся во времена средневековой Европы. Работа купцов строилась на принципе саморегулирования, исходя из характера своей торговли и специализации, они объединялись в некий союз, в котором работали по разработанной ими единой системе юридических отношений. В этом и заключается ключевая идея саморегулирования, когда не государство навязывает правила и стандарты, а сами субъекты отношений способны выработать их самостоятельно. Саморегулируемые организации (СРО) образуются для того, чтобы поддерживать достигнутые договоренности, контролировать их исполнение, привлекать к ответственности за нарушение или неисполнение [2, с. 27].

Российская история саморегулирования начинается с 22 апреля 1996 года, с момента принятия Федерального закона «О рынке ценных бумаг» [3]. Следующим моментом в развитии является начало XXI века, когда была осуществлена передача некоторых функций государства саморегулируемым организациям. С принятием в 2007 году Федерального закона произошло закрепление позиций СРО в нашей стране. В качестве законодательной платформы институт саморегулирования использует принципы гражданского права. Ее существование основано на гражданско-правовых организационных отношениях.

С принятием закона «О саморегулируемых организациях» процесс получения лицензии официально заменен саморегулированием. До принятия данного закона юридические лица, занимающиеся определенной деятельностью, получали лицензию, которая выступала некой гарантией качества и соблюдения требований, установленных законодательством. Сейчас ситуация складывается таким образом, что вместо лицензии необходимо стать членом СРО и выполнять принятые правила, требования, нормы.

Главным преимуществом вступления в СРО заключается в том, что предпринимателю выдается свидетельство, которое не имеет срока действия в отличие от лицензии.

В связи с внедрением института СРО постепенно планируется отменить лицензирование отдельных видов деятельности. Выданные ранее лицензии будут действовать до окончания указанного в ней срока, а затем предприниматели, в случае отказа вступления в СРО, смогут работать и нести ответственность, которую предусматривает нашей законодательство.

Как уже было отмечено ранее, российские предприниматели стараются применять принцип саморегулирования, но это является не всегда удачным. Связано это с тем, что сущность саморегулируемых организаций, их преимущества российскими предпринимателя остаются еще до конца непонятными. В связи с этим для решения данной проблемы необходимо рассмотреть, что же в настоящее время подразумевают под саморегулируемыми организациями.

Анализ материалов позволяет говорить, что само-

регулируемыми организациями считают, некоммерческие организации, объединяющие субъекты предпринимательской деятельности, работающие в определенной отрасли производства товаров (работ, услуг), либо объединяющие субъекты профессиональной деятельности определенного вида.

В России порядок образования и деятельности саморегулируемых организаций (СРО), их основные цели и задачи регулируются Законом № 315-ФЗ от 1 декабря 2007 года «О саморегулируемых организациях» [4], а также федеральными законами, которые регулируют соответствующий вид деятельности. Деятельность СРО, объединяющих организации финансовых рынков, регулируется отдельным законом «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» № 223-ФЗ от 13 июля 2015 года [5].

Согласно №315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» саморегулируемыми организациями считаются, некоммерческие организации, которые соблюдают требования.

Первым требованием является то, что минимальное количество участников, входящих в СРО должно быть равно двадцати пяти юридическим лицам или ста гражданам, занимающихся определенным профессиональным видом деятельности, если законом не предусмотрено иное.

Согласно данным информационного портала «Всё о саморегулировании», в нашей стране можно выделить двадцать четыре группы сфер деятельности, участники которых вступили в СРО [6]. Ими являются предприниматели, деятельность которых связана со строительством, реконструкцией, капитальным ремонтом, архитектурно-строительным проектированием, инженерным изысканием, пожарной безопасностью, энергетическим обследованием, оценкой, аудитом, рекламой, коллекторской деятельностью, автоперевозками, страхованием, управлением компаний, действиями на рынке ценных бумаг, медициной, пищевой и перерабатывающей промышленностью, промышленной безопасностью, микрофинансовой организацией, интеллектуальной собственностью, урегулированием споров, теплоснабжением. Как видно, немногие сферы деятельности стали участниками СРО.

Второе требование заключается в том, что все участники сообщества должны соблюдать стандарты, правила предпринимательской или профессиональной деятельности.

Суть третьего требования состоит в том, что СРО должна обеспечить дополнительную имущественную ответственность каждого ее члена перед потребителями произведенных товаров (работ, услуг) и иными лицами, то есть — иметь возможность выплачивать определенные платежи из своего компенсационного фонда, в случае предъявления соответствующих заявлений. Соблюдение вышеизложенных требований для СРО является обязательным, согласно данному закону, и также они могут изменяться, то есть ужесточаться.

Создание СРО в России связано с именем В. С. Плескачевского, который активно поддерживал идею саморегулирования как один из вариантов государственного лицензирования. Деятельность В.С. Плескачевского

была посвящена разработке различных законов, таких как Федеральный закон «О саморегулируемых организациях», отраслевые законы внедрения СРО в предпринимательскую деятельность (СРО оценщиков, СРО в строительстве, СРО проектное, СРО изыскателей, СРО в страховании, СРО кадастровой деятельности и других областях) [6].

Статус саморегулируемой организации присваивается некоммерческой организации с момента внесения сведений о некоммерческой организации в государственный реестр саморегулируемых организаций и утрачивает статус саморегулируемой организации с момента, когда сведения о некоммерческой организации были исключены из указанного реестра.

Оценивая деятельность некоммерческих организаций и СРО, можно наблюдать то, что они существенно отличаются друг от друга. Как уже отмечалось, главная цель СРО заключается в добросовестном выполнении своих обязанностей перед клиентами, защищать их интересы. В связи с этим все участники СРО должны обладать властными полномочиями. Некоммерческие организации же, согласно Федеральному закону от 12.01.1996 г. №7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «О некоммерческих организациях» формируются с целью достижения социальных, благотворительных, научных целей, направленных на сохранение здоровья, поддержки физической культуры, удовлетворения духовных потребностей [7]. Еще одно отличие некоммерческих организаций от СРО заключается в наличии субсидиарной ответственности по возмещению вреда клиентам.

В настоящее время принято различать два вида СРО. Первый СРО с публичными функциями в целом и каждому ее участнику в отдельности, примером такого вида выступает СРО арбитражных управляющих. Второй вид СРО, когда публичные функции выполняются отдельным лицом, к данному признаку относят саморегулируемые организации аудиторов.

Изучение сущности СРО позволило определить истинное предназначение СРО в настоящее время. Главная функция, которую реализуют СРО, заключается в разработке и закреплении правил к участникам данного союза, в применении мер дисциплинарного характера, разрешении споров, которые могут возникнуть между участниками СРО, анализе деятельности участников, представлении их интересов, организации профессионального обучения, аттестации работников.

Формируется имущество саморегулируемых организаций из следующих источников:

- взносы при вступлении в СРО, членские, целевые;
- добровольные пожертвования;
- получаемые доходы от оказываемых услуг;
- другие не запрещенные законом источники.

Особое внимание вступления в СРО обусловлено, в первую очередь, тем, что организации имеют возможность получать заказы от государства на выполнение определенного вида работ. Компания также может реализовывать работы, которые являются высокооплачиваемыми, повышать имидж, расширять связи, повышать доверие со стороны заказчиков. И еще одно значимое преимущество состоит в том, что СРО оказывает правовую поддержку участникам, защищает их интересы.

Согласно данным портала Саморегулируемые организации особой популярностью пользуются объединения в сфере строительства (313 организаций), проектирования (205), арбитражных управляющих (67), инженерных изыскателей (44) [8].

Наиболее количество участников СРО располагаются в Центральном федеральном округе (46%), затем идет Северо-Западный федеральный округ (18%), Приволжский федеральный округ (12%). В остальных федеральных округах институт саморегулирования развит слабее: Сибирский федеральный округ (8%), Южный федеральный округ (5%), Уральский федеральный округ (5%), Дальневосточный федеральный округ (4%), Северо-Кавказский федеральный округ (2%).

Разделение саморегулируемых организаций по региональному принципу обусловлено тем, что это позволяет достичь конкурентных преимуществ. Например, в строительной отрасли активно практикуется такой вариант - при получении заказа федерального уровня, строительная компания может привлекать из других федеральных округов компании, которые входят в одну группу саморегулируемых организаций с едиными нормами квалификационного контроля и высоким уровнем взаимного доверия и надежности.

В заключении хотелось бы отметить, что саморегулируемые организации очень важны для предпринимателей. Ведь, надзорные и контролирующие функции теперь возложены не только на государственные органы, но и на самих же бизнесменов.

Соответственно, участники могут самостоятельно создавать правила, нормы и принципы взаимодействия, формировать основы надежного предпринимательства и защищать общие интересы, что, конечно, очень важно для развития бизнеса в России.

Список литературы

1. Алгазина А.Ф. История возникновения и развития саморегулирования в России // Правоприменение. 2017. Т.1. № 3. С. 90-99.
2. Ларкина Н. Г. Компетентность саморегулируемых предпринимательских структур: маркетинговый аспект // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, апрель 2011 г.).Т. II. М.: РИОР, 2011. С. 27-32.
3. О рынке ценных бумаг: ФЗ от 04.1996 N 39-ФЗ [Электронный ресурс]// Консультант. – Режим доступа:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/
4. О саморегулируемых организациях: ФЗ от 01.12.2007 N 315-ФЗ [Электронный ресурс]// Консультант. – Режим доступа:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/
5. О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка: ФЗ от 13.07.2015 N 223-ФЗ [Электронный ресурс]// Консультант. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182662/
6. Все о саморегулировании [Электронный ресурс]// Информационный портал. – Режим доступа: <http://www.all-sro.ru/>
7. О некоммерческих организациях: ФЗ от 12.01.1996 N 7-ФЗ [Электронный ресурс]// Консультант. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/
8. Реестр СПО [Электронный ресурс]// Информационно-консультационный портал саморегулируемых организаций. – Режим доступа: <https://www.reestr-sro.ru/>

References

1. Algazina A. F. History of emergence and development of self-regulation in Russia // law Enforcement. 2017. Vol.1. No. 3. P. 90-99.
2. Larkin N. D. Competence of self-regulatory business structures: marketing aspect // Topical issues of Economics and management: materials international. science. Conf. (Moscow, April 2011).Vol. II. M.: RIOR, 2011. P. 27-32.
3. About the securities market: FZ of 04.1996 N 39-FZ [Electronic resource]// Consultant. – Access mode:http://www.consultant.EN/document/cons_doc_LAW_10148/
4. About the self-regulating organizations: FZ of 01.12.2007 N 315-FZ [Electronic resource]// Consultant. – Access mode:http://www.consultant.EN/document/cons_doc_LAW_72967/
5. About the self-regulating organizations in the sphere of the financial market: FZ of 13.07.2015 N 223-FZ [Electronic resource]// Consultant. – Mode of access: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182662/
6. All about self-regulation [Electronic resource]// Information portal.

Государственная политика приоритетного развития саморегулируемых организаций

The state policy of priority development of self-regulatory organizations

Джиоев Сандро Вячеславович

магистрант Северо-Кавказского Горно-Металлургического Института, кафедра
предпринимательского и трудового права

Газзаева Мадина Тотрбековна

к.п.н., доцент, кафедра предпринимательского и трудового права

Sandro V. Dzhioev, master's student of the North Caucasus Mining And Metallurgical Institute,
Department of business and labor law, Gazzaev Madina Turakova, Ph. D., associate Professor,
Department of entrepreneurial and labour law

Аннотация. В статье показывается, что государственная политика в сфере развития предпринимательства должна способствовать приоритетному развитию саморегулируемых организаций для гражданского правового регулирования предпринимательских отношений на качественно новом уровне.

Summary. In article is shown that state policy in the sphere of development of business has to contribute to the priority development of self-regulatory organizations for civil legal regulation of the enterprise relations at qualitatively new level.

Ключевые слова: цель деятельности саморегулируемых организаций, основные принципы государственной политики, основные направления деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, правовые категории «саморегулируемая организация».

Keywords: basic principles of state policy, main activities of public authorities, local government, legal categories "self-regulatory organization".

Предпринимательская деятельность направлена на систематическое получение прибыли. Однако стремление к систематическому получению прибыли должно корреспондироваться в социальном государстве с добросовестной деятельностью участников гражданских правоотношений. Создание добросовестных правоотношений - одна из целей саморегулируемых организаций, объединяющих субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности.

Если в п. 1 ч. 3 ст. 3 Закона установлены императивные требования к количеству членов саморегулиру-

емых организаций, то требования к дополнительной имущественной ответственности членов саморегулируемых организаций устанавливаются в ст. 13 «Способы обеспечения имущественной ответственности членов саморегулируемой организации перед потребителями произведенных ими товаров (работ, услуг) и иными лицами».

Но если согласно ст. 2 Закона под саморегулированием понимается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности на базе основных начал гражданского законодательства Российской Федерации, то тогда установленные императивные требования вступают в противоречие с конституционным правом (ст. 30 Конституции РФ) и Гражданским кодексом Российской Федерации (ст. 123.9 ГК РФ). Нарушение этих фундаментальных положений во многом стало причиной, которая в течение долгого времени (пятнадцати лет) не позволяла обеспечить приоритетное развитие саморегулируемых организаций в экономике Российской Федерации.

Саморегулируемые организации – некоммерческие организации, организационно-правовая форма которых – ассоциация (союз). Согласно п. 1 ст. 123.9 ГК РФ «Основные положения об ассоциациях (союзах)», ассоциацией (союзом) признается объединение юридических лиц и(или) граждан, основанное на добровольном или, в установленных законом случаях, на обязательном членстве и созданное для представления и защиты общих, в том числе профессиональных, интересов для достижения общественно полезных, а также иных, не

противоречащих закону и имеющих некоммерческий характер целей.

Правовая категория «саморегулируемая организация» не может рассматриваться вне сущностных черт, установленных применительно к организационно-правовой форме (ассоциация, союз), и без учета того, что деятельность ассоциаций (союзов) находится под защитой Российской Федерации, международного права.

Саморегулируемые организации как ассоциации (союзы) имеют гражданские права, которые не могут быть нарушены. Согласно п. 1 ст. 123.9 ГК РФ «Учредители ассоциации (союза) и устав ассоциации (союза) количество учредителей ассоциации (союза) не может быть менее двух. Законы, устанавливающие иные требования, не должны противоречить основам Конституции Российской Федерации и нарушать основной принцип их независимости и свободы объединения. На основе вышеизложенного, установленное п. 1 ст. 3 Закона требование, что саморегулируемая организация должна в своем составе иметь не менее 25 субъектов предпринимательской деятельности или не менее ста субъектов профессиональной деятельности определенного вида, является спорным и необоснованным утверждением.

Регулирование деятельности некоммерческих организаций, ассоциаций (союзов) отличается от деятельности коммерческих организаций. Установленные требования к минимальному количеству членов - субъектов предпринимательской деятельности может рассматриваться как обременительное ограничение деятельности саморегулируемых организаций, потому что в числе ключевых задач стоит регулирование предпринимательской деятельности с целью обеспечения ее добросовестности и осуществления контроля за разработкой требований, правил предпринимательской деятельности.

Деятельность саморегулируемой организации направлена на формирование системы ценностей в общественном сознании, таких как профессионализм, компетентность, добросовестная конкуренция. Разработка стандартов, требований, правил предпринимательской деятельности, осуществление контроля за их выполнением, формирование системы ценностей в общественном сознании позволяет регулировать предпринимательские отношения на качественно новом уровне и рассматривать саморегулируемые организации как мультипликаторы, регулирующие предпринимательские отношения для достижения субъектами права необходимого социального эффекта при осуществлении предпринимательской деятельности. Саморегулируемая организация в системе предпринимательского права – важное правовое средство регулирования предпринимательских отношений.

Саморегулируемая организация – это особый вид ассоциации (союза), ее деятельность направлена на защиту и представление интересов организаций членов, потребителей, которым предоставляется продукция, работа, услуга, товар, на защиту общества и государства, заинтересованных в организации добросовестной деятельности и добросовестной конкуренции субъектов права, компетентности и профессионализме участ-

ников экономических отношений.

Раскрытие правовой категории «саморегулируемая организация» с указанием ее организационно-правовой формы защищает гражданские права саморегулируемых организаций и их членов, индивидуальных предпринимателей.

Гражданские права могут ограничиваться Законом только в целях обеспечения национальной безопасности.

К деятельности саморегулируемых организаций и их членов должны быть в полной мере применены основные начала гражданского законодательства, в основе которых – неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства в деятельность саморегулируемых организаций и их членов, необходимость беспрепятственного осуществления их гражданских прав.

Составной частью концепции приоритетного развития саморегулируемых организаций в экономике важно рассматривать основные цели и основные направления государственной политики в сфере саморегулирования. Для успешного регулирования гражданско-правовых отношений, раскрытия основных правовых категорий, целей, задач, направлений государственной политики важно применять методологию стратегического и сравнительного правоведения для анализа действующих федеральных законов, обобщения наилучших практик [1].

Методология стратегического, сравнительного права – объективное средство познания, побуждающее для достижения установленных целей сравнивать способы, правовые средства их достижения в различных федеральных законах или правовых системах для стимулирования создания более совершенного законодательства. Применяя методологию стратегического и сравнительного правоведения можно прийти к выводу, что нераскрытие основных правовых категорий, применяемых в Законе, целей, задач, направлений деятельности органов государственной власти и местного самоуправления становится существенным препятствием в достижении цели, для которой Закон создавался, и снижает эффективность государственной политики, государственного регулирования предпринимательских отношений, деятельности саморегулируемых организаций.

В связи с этим важно дополнить Закон нормами права, восполняющими установленные пробелы федерального законодательства.

Согласно правовым основам стратегического планирования, принципам стратегического планирования в соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» должна быть возможность оценки, а следовательно, законодательного определения количественных и качественных показателей цели, на достижение которой направлен закон. Анализ показывает, что Закон таких целей и показателей не содержит.

При применении техники сравнительного правоведения важно определить примеры более эффективной государственной политики, эффективного законодательного регулирования общественных отношений.

Так, государственная политика в сфере малого и среднего предпринимательства нашла более результативное воплощение в Федеральном законе от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

Этим Федеральным законом установлены количественные и качественные показатели, цели, задачи, основные принципы государственной политики, определена инфраструктура и формы поддержки развития малого и среднего предпринимательства. Федеральным законом от 25.12.2008 № 203-ФЗ «О противодействии коррупции» определяются основные понятия, основные принципы противодействия коррупции, основные направления деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции. В Законе не реализованы эти правовые основы, обеспечивающие формирование и реализацию государственной политики приоритетного развития саморегулируемых организаций в экономике.

Как показывает проведенный анализ, для реализации концепции приоритетного развития саморегулируемых организаций, совершенствования государственной политики развития саморегулируемых организаций Закон должен быть дополнен нормами права, раскрывающими количественные, качественные характеристики достижения цели, основные направления деятельности органов государственного, муниципального управления, основные принципы организации деятельности саморегулируемых организаций, правовые категории.

Согласно п. 2 ст. 6 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», основными целями государственной политики являются: развитие субъектов малого и среднего предпринимательства, обеспечение благоприятных условий их деятельности, конкурентоспособности, оказание содействия деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, увеличение их количества и доли на рынке.

Для достижения стратегической цели, установленной Указом Президента Российской Федерации от 23.07.2003 № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003-2004 годах», автором предложено внести в Закон в качестве основных целей государственной политики в сфере саморегулирования следующие цели:

- приоритетное развитие саморегулируемых организаций;
- увеличение количества саморегулируемых организаций в экономике;
- обеспечение участия саморегулируемых организаций в формировании и реализации государственной политики;
- обеспечение благоприятных условий для приоритетного развития саморегулируемых организаций в экономике;
- оказание содействия саморегулируемым организациям в осуществлении их деятельности;
- запрет на введение ограничений, на создание дискриминационных, обременительных условий для участников саморегулирования.

Саморегулируемые организации – юридические лица, институт социального предпринимательства. Возможности успешной деятельности саморегулируемых организаций как института социального предпринимательства зависят от основных направлений деятельности органов государственной власти, местного самоуправления и основных принципов организации деятельности саморегулируемых организаций, которые должны быть дополнены нормами права Закона.

Основные направления деятельности органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению приоритетного развития саморегулируемых организаций

Сравнительный анализ полномочий органов власти, направлений деятельности органов государственной власти, установленных федеральным законодательством и направленных на регулирование общественных отношений, показывает необходимость включения в действующий Закон дополнительной статьи: «Основные направления деятельности органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению приоритетного развития саморегулируемых организаций». Содержание статьи предлагается раскрыть в следующих подпунктах:

- ответственность органов власти, органов местного самоуправления за обеспечение благоприятных условий для приоритетного развития саморегулируемых организаций;
- обеспечение участия саморегулируемых организаций в совершенствовании государственной политики, формировании и реализации государственных программ, рассмотрении проектов федеральных законов; участия в работе совещательных органов государственного и местного самоуправления;
- стимулирование деятельности саморегулируемых организаций и участие субъектов экономических отношений в саморегулировании;
- оказание содействия саморегулируемым организациям в их работе;
- содействие осуществлению саморегулируемыми организациями общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления;
- содействие проведению саморегулируемыми организациями анализа экономической деятельности, эффективности государственной политики по развитию конкуренции;
- предоставление саморегулируемым организациям информации для анализа реализации государственной политики;
- оказание экономической поддержки саморегулируемым организациям органами государственной власти и органами местного самоуправления;

Законодательное закрепление основных направлений деятельности органов власти может позволить изменить сложившуюся за двадцатилетний период ситуацию по развитию саморегулируемых организаций в Российской Федерации.

Сущностные черты концепции приоритетного развития саморегулируемых организаций будут неполными, если не рассматривать задачи саморегулируемых

организаций. Действующая концепция, нормы права не в полной мере учитывают задачи саморегулируемых организаций, которые определены Федеральным законом от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Указом Президента Российской Федерации от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции».

Систематизация задач, которые в соответствии с действующим законодательством могут выполняться саморегулируемыми организациями, показывает важное место, которое могут занимать саморегулируемые организации в регулировании предпринимательских отношений и развитии экономики Российской Федерации.

Принципы государственной политики для обеспечения приоритетного развития саморегулируемых организаций Закон и Концепция совершенствования механизмов саморегулирования не раскрывают принципы государственной политики в сфере саморегулирования.

Федеральный закон содержит, в основном, императивные нормы, не описывает правовой механизм стимулирования деятельности субъектов права для активного, инициативного участия субъектов права в развитии саморегулируемых организаций.

Неотъемлемой частью обеспечения приоритетного развития саморегулируемых организаций должны стать принципы государственной политики с учетом системы стимулов, определенных Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» для социально ориентированных некоммерческих организаций.

Какими должны быть нормы права, раскрывающие принципы государственной политики для обеспечения приоритетного развития саморегулируемых организаций? Для сравнения рассмотрим основные принципы государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. Согласно ст. 6 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», в числе основных принципов рассматриваются действия органов государственной власти и местного самоуправления по поддержке деятельности малого и среднего предпринимательства, их ответственность за обеспечение благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства.

Саморегулируемые организации – особая группа организаций, осуществляющих социальное предпринимательство, целью деятельности которых является не получение прибыли, а предоставление социально полезных услуг юридическим, физическим лицам, членам саморегулируемых организаций по разработке правил предпринимательской деятельности, стандартов, контролю за деятельностью членов саморегулируемых организаций за счет средств и ресурсов членов саморегулируемой организации. Выполнение такой социальной миссии без создания инфраструктуры, поддержки со стороны органов государственной власти или местного самоуправления практически невозможно, поскольку основной тренд развития рыночной экономики – коммерциализация, стремление субъектов права к систе-

матическому получению прибыли.

В связи с вышеизложенным принципы государственной политики в сфере саморегулирования должны учитывать, что саморегулируемым организациям необходимо развиваться на основе, с одной стороны, конституционных норм, основных начал гражданского права (свободы предпринимательской деятельности, единства экономического пространства, недопустимости вмешательства, беспрепятственного осуществления прав), а с другой – обязанности поддержки, стимулирования деятельности саморегулируемых организаций со стороны органов государственной власти или местного самоуправления [3, 6].

В принципах права отражаются наиболее существенные аспекты правового регулирования деятельности саморегулируемых организаций, раскрывающие содержание ориентиров правотворческой деятельности, применение которых может стать определяющим условием для более успешного регулирования предпринимательских отношений.

Особое место в законодательстве занимают основные понятия, правовые категории. От того, насколько объективно раскрываются их дефиниции, во многом зависит эффективность формирования и реализации государственной политики.

Закон и Концепция совершенствования механизмов саморегулирования не раскрывают такие базовые правовые категории как «саморегулируемая организация», «дополнительная имущественная ответственность членов саморегулируемых организаций».

Ассоциация (союз) признается саморегулируемой организацией после ее включения в государственный реестр саморегулируемых организаций. При этом организационно-правовая форма субъекта права не изменяется, и ее отличительные черты, правовые обязательства, согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации, сохраняются [5]. Ассоциации (союзы) защищают и представляют интересы своих членов. Ассоциации (союзы) не обязаны создавать правила, стандарты, требования к предпринимателям, к профессиональной деятельности, осуществлять контроль за деятельностью своих членов, обеспечивать дополнительную имущественную ответственность каждого своего члена перед потребителями произведенных товаров (работ, услуг) и иными лицами [2].

Выполнение дополнительных важных социальных функций способствует достижению социальных целей в обществе, реализации конституционных норм, признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, решению задач социального государства [4]. Вот почему приоритетное развитие саморегулируемых организаций – основа гражданского общества, современного государства, обязательное условие для повышения качества государственного управления, обеспечения национальной безопасности. Предлагаемая правовая категория – «саморегулируемая организация» – ассоциация (союз), включенная в государственный реестр саморегулируемых организаций, объединяющая субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности для защиты прав, представления интересов своих членов в органах власти, разработки тре-

бований, правил добросовестной предпринимательской деятельности, контроля их выполнения, регулирования предпринимательских отношений, защиты потребителей и иных лиц, достижения социальных целей общества, способствующих достижению приоритетного развития саморегулируемых организаций и развитию гражданского общества.

Таким образом, система норм права, определяющая деятельность саморегулируемых организаций в экономике, регулирует отношения в сфере предпринимательства и представляет собой совокупность:

- общественных отношений по реализации прав на объединение в ассоциации (союзы), свободу предпринимательской деятельности;
- общественных отношений, связанных с процессом развития саморегулируемых организаций и создания условий для реализации прав на объединение в ассоциации (союзы), свободу предпринимательской деятельности.

Развитие саморегулируемых организаций – рыночный механизм защиты предпринимателей, потребителей, регулирования предпринимательских отношений. Саморегулируемые организации – основа гражданского общества и повышения эффективности государственной политики и государственного регулирования экономики. Но пока неэффективные нормы права, административные барьеры сдерживают развитие саморегулируемых организаций и отечественной экономики. Особенность саморегулируемых организаций – обеспечение дополнительной имущественной ответственности их членов перед потребителями продукции (работ, услуг). Согласно п. 1 ст. 13 Закона, саморегулируемая организация вправе применять только две формы обеспечения имущественной ответственности членов саморегулируемой организации перед потребителями произведенных ими товаров (работ, услуг) и иными лицами: создание системы личного и(или) коллективного страхования и формирование компенсационного фонда.

Обеспечение саморегулируемыми организациями дополнительной имущественной ответственности каждого ее члена перед потребителями произведенных товаров (работ, услуг) и иными лицами – это средства, направленные на обеспечение добросовестной деятельности, выполнение обязательств перед потребителями и иными третьими лицами [2].

Дополнительная имущественная ответственность может осуществляться в разных формах, таких как: раз-

работка стандартов на продукцию, процессы; обеспечение осуществления деятельности в соответствии со стандартами; сертификация процессов, систем управления, результатов деятельности; страхование ответственности перед потребителями или третьими лицами и др.

Недопустимо ограничивать свободу предпринимательской деятельности и гражданские права участников саморегулирования, это препятствует деятельности саморегулируемых организаций. Согласно основам конституционного строя (ст. 8 Конституции РФ), в Российской Федерации гарантируется свобода экономической деятельности [6].

Таким образом, правовая категория «дополнительная имущественная ответственность членов саморегулируемой организации» перед потребителями или третьими лицами – это средства юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, направленные на обеспечение добросовестной деятельности, выполнение обязательств перед потребителями и иными третьими лицами. Выбор формы осуществления дополнительной имущественной ответственности – это право юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, ставших членами саморегулируемой организации. Она может осуществляться как в коллективной, так и в индивидуальной форме, согласно решению высшего органа управления саморегулируемой организации [3].

Применение вышеприведенных положений, норм права позволит разрабатывать и реализовывать правила, стандарты, требования к предпринимательской деятельности, регулировать предпринимательские отношения на качественно новом уровне. Реализация системы ценностей, определяющей добросовестность, профессионализм, выполнение обязательств перед потребителями и иными лицами, означает цивилизованный этап в регулировании предпринимательских отношений, повышении качества государственного управления.

Для достижения стратегических целей развития института саморегулирования Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» предлагается дополнить новыми нормами права: основные цели государственной политики в сфере саморегулирования; основные направления деятельности органов государственной власти и местного самоуправления; задачи развития саморегулируемых организаций; основные принципы государственной политики в области приоритетного развития саморегулируемых организаций.

Литература

1. Алгазина А.Ф. История возникновения и развития саморегулирования в России // Правоприменение. 2017. Т.1. № 3. С. 90-99.
2. Ларкина Н. Г. Компетентность саморегулируемых предпринимательских структур: маркетинговый аспект // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, апрель 2011 г.).Т. II. М.: РИОР, 2011. С. 27-32. Все о саморегулировании [Электронный ресурс]// Информационный портал. – Режим доступа: <http://www.all-sro.ru/>
3. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение: учебник – 2-е изд., перераб.и доп. - М.: Проспект, 2015. - 784 с.
4. Мхитарян Ю.И. Безопасность и правовые аспекты саморегулирования стройкомплекса. - М.: Издательский центр «Интерэконтс», 2012. 48 с. Тираж 1000 экз. 4 п.л.
5. Мхитарян Ю.И. Правовые аспекты развития саморегулируемых организаций / Ю.И. Мхитарян // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 4. С. 88-99.
6. Мхитарян Ю.И. Правовые аспекты саморегулирования и повышение эффективности экономики Российской Федерации в XXI веке: монография. М.: Издательский центр «Интерэконтс», 2017. 370 с. Тираж 1000 экз., 11,6 п.л.

References

1. Algazina A. F. History of emergence and development of self-regulation in Russia // law Enforcement. 2017. Vol.1. No. 3. P. 90-99.
2. Larkin N. D. Competence of self-regulatory business structures: marketing aspect // Topical issues of Economics and management: materials international. science. Conf. (Moscow, April 2011).Vol. II. М.: RIOR, 2011. P. 27-32. All about self-regulation [Electronic resource]// Information portal. – Mode of access: <http://www.all-sro.ru/>
3. Marchenko M. N. Comparative law: textbook – 2nd ed., pererab. I DOP. - М.: Prospect, 2015. - 784 p.
4. Mkhitaryan Yu. I. Security and legal aspects of self-regulation of the construction complex. - Moscow: Publishing center "intereks", 2012. 48 p. Circulation 1000 copies 4 p. l.
5. Legal aspects of the development of self-regulatory organizations / Yu. I. Mkhitaryan // Bulletin of the Moscow state regional University. 2017. No. 4. P. 88-99.
6. Mkhitaryan Yu. I. Legal aspects of self-regulation and efficiency improvement of the Russian economy in the XXI century: monograph. М.: Publishing center "intereks", 2017. 370 p. Circulation of 1000 copies., 11.6 p. l.

Правовая природа процессуального договора The legal nature of a procedural agreement

Плиева Кристина Витальевна

магистрант Северо-Кавказского Горно-Металлургического Института, кафедра
предпринимательского и трудового права

Газзаева Мадина Тотрбековна

к.п.н., доцент, кафедра предпринимательского и трудового права

Plieva Kristina Vitalievna, master's student of the North Caucasus Mining And Metallurgical
Institute, Department of business and labor law, Gazzaev Madina Turakova, Ph. D., associate
Professor, Department of entrepreneurial and labour law

В статье рассматривается правовая природа процессуального договора, необходимость его применения в гражданском и арбитражном процессе, права сторон процессуального договора.

Ключевые слова: процессуальный договор, гражданский процесс, субъективность, свобода договора.

The article deals with the legal nature of the procedural contract, the need for its application in civil and arbitration proceedings, the rights of the parties to the procedural contract.

Key words: procedural contract, civil procedure, subjectivity, freedom of contract.

Процессуальный договор, то есть соглашение сторон, в соответствии с которым они меняют процессуальное положение или устанавливают определенную модель поведения в рамках существующих или возможных судебных процедур, является важным, гибким и эффективным инструментом правового регулирования. Он позволяет сторонам разрабатывать более эффективные решения процедурных вопросов с учетом уникальных особенностей процессуального положения и материальных отношений по сравнению с теми, которые предлагаются в соответствии с нормами процессуального права.

Урегулирование процедурных вопросов путем переговоров и компромиссов положительно сказывается на социальном климате. Практика переговоров и контрактов способствует формированию общества, основанного на сотрудничестве и взаимопонимании, развитии позитивных и продуктивных социальных отношений.

Процедурный договор, как мы понимаем, который создает специальные процедурные отношения или правила процедуры, должен подчиняться основным принципам правового регулирования процессуальных

отношений, и в частности, для обеспечения справедливого судебного разбирательства, равенства сторон в защите позиции, доступности и эффективности судебного разбирательства.

Процессуальный договор представляет собой сложную категорию, состоящую из материальных и процедурных элементов, и поэтому не поддается однозначной отраслевой классификации. К процедурным договорам применяются как специальные нормы процессуального права, регулирующие определенные виды процессуальных договоров, так и общие нормы материального права, касающиеся сделок и обязательств[5].

Вопрос о правовом характере процессуального договора и, соответственно, применимого к нему права зависит от того, в какой степени он регулируется специальными нормами, какая система правовых норм наиболее уместна в конкретном случае, основная цель процедуры - достижение справедливого решения при наименьших затратах.

Стороны имеют право на договорное регулирование процессуальных отношений. Это право вытекает из автономии воли и является условием свободной экономической деятельности. Договорное регулирование является приемлемым и желательным, поскольку оно создает более удобные условия для рассмотрения сторонами дела, позволяет достичь цели правосудия при наименьших затратах. Свобода найма имеет особое значение в сфере бизнеса. В этом случае существенные и процедурные условия контракта могут быть взаимосвязаны, в частности, таким образом, чтобы значительные ассигнования или риски стороны были компенсированы или обеспечены с помощью оговорки, предоставляющей ей процедурные привилегии.

Публичный характер процессуального права сам по себе не предопределяет императив его учредительных

норм и не препятствует договорному регулированию процессуальных отношений. В то же время существование принципиальных механизмов и оппонентов не позволяет сделать вывод о том, что судебное разбирательство будет таким же доступным для договора, как и материальные отношения, по которым оно было начато. Договорное регулирование исключается или ограничивается в той мере, в какой оно противоречит основным целям процесса, общественным интересам, принципу эффективности процесса или нарушает условия справедливого судебного разбирательства.

В частности, ограничение доступности процессуального соглашения оправдано объявлением социально слабых участников юридических отношений (потребителей, работников, арендаторов). По этим причинам процедурные оговорки, включенные в договор о присоединении, как представляется, недействительны или аннулированы.

Процедура заключения процессуального договора, поскольку процессуальное право не устанавливает специальных норм в этой связи, регулируется соответствующими положениями материального права. Основными целями, на достижение которых направлены специальные процессуальные нормы, являются свобода выражения мнений, сознательное согласование договорных условий, их четкое и ясное формулирование. Свобода судопроизводства может быть ограничена по усмотрению суда. Суд вправе с учетом обстоятельств дела, целей и правил процедуры разрешить или исключить процессуальный договор или поощрять стороны к регулированию процессуального договора.

Суд обязан создать соответствующие условия для свободного волеизъявления при заключении процессуального договора. В ситуации, когда планируется заключение договора между сторонами, одна из которых имеет адвоката, а другая работает самостоятельно без знаний и опыта, необходимых для решения юридических вопросов, суд вправе пригласить эту сторону обратиться к адвокату с просьбой о том, чтобы вы обратились за консультацией по условиям договора или даже отказаться от признания процессуального договора, который был заключен со стороной, не имеющей адвоката[1].

В соответствии с принципом свободы договора третья сторона, которая не претендует на предмет спора в одиночку, имеет право вместе с истцом и ответчиком участвовать в разработке его условий, защищать его законные интересы, распоряжаться его правами и принимать на себя его обязанности. На основании правовых ограничений процессуальных прав таких лиц глобальные соглашения, в которых третья сторона пользуется материальными или процессуальными правами основной стороны, запрещаются. Автономия процедурных процедур и общий принцип свободы формы договора указывают на допустимость любой формы процедуры соглашения, если в специальном положении не указано иное.

Сфера применения процессуального договора при отсутствии прямого регулирования определяется судом на основе общих положений договорного права, принципов процессуального права, с учетом согласованной

воли сторон, взаимосвязи материальных и процессуальных условий договора и наиболее благоприятного варианта достижения целей процессуального регулирования.

Не всегда применимо общее правило о том, что процессуальный договор связывает только стороны, заключившие его, и не применяется к другим лицам. Она может корректироваться в соответствии с особенностями процессуальной ситуации, например, при процессуальном соучастии и вступлении в дело третьих лиц, в случаях изменения лиц в обязательстве, связанном с процессуальным соглашением, или при изменении статуса стороны. Замена лица в материальных отношениях при отсутствии иного соглашения сторон или иного положения об объективном праве подразумевает замену лица в процессуальном договоре, связанном с этими отношениями[2].

Правопреемству по процессуальному договору может препятствовать тот факт, что материальные отношения, с которыми связан договор, являются индивидуальными и не допускают замены его части; или если права и возможности, обязанности и обременения, основанные на договоре, неразрывно связаны с индивидуальными свойствами его первоначальных частей. Представляется оправданным введение более гибких ограничений на право сторон выбирать место суда.

Это можно сделать путем проведения различия между понятиями исключительной и обязательной юрисдикции, соглашений о выдаче и отступлениях. Абсолютный запрет соглашений, изменяющих территориальную юрисдикцию дел, связанных с имущественными правами на недвижимое имущество, может быть заменен признанием таких оспариваемых соглашений.

Принудительные меры и меры ответственности за несоблюдение их условий применяются в процессе, в котором они регулируются или должны регулироваться договором. Действие стороны в нарушение обязательства, установленного процессуальным договором, должно быть отклонено судом как недопустимое при условии установления факта заключения договора и его содержания.

До применения судом настоящей санкции сторона имеет право оспорить соглашение или применимость его положений в сложившейся ситуации. Индивидуальные требования о приведении в исполнение процессуальных соглашений, как правило, неприемлемы. В таких претензиях речь идет о процедурном характере обязательств, подлежащих исполнению в другом деле, и именно здесь рассматривается вопрос по существу. Определение наличия обязанности по исполнению является исключительной компетенцией суда, в котором ведется производство – как правило, убытки, причиненные нарушением процессуального договора, могут быть возмещены в качестве судебных расходов по основаниям, в размере и порядке, установленных нормами процессуального права. Право стороны требовать возмещения судебных расходов, иных убытков и морального вреда должно осуществляться в процессе, в котором совершено нарушение процессуального договора.

Подача независимого иска о компенсации допуска-

ется только в исключительных случаях, а именно:

- когда имело место злостное или недобросовестное нарушение процессуального договора;
- предыдущее решение, если оно имеет обязательную силу для последующего суда, не исключает определения такого преступления;
- по объективным причинам сторона не смогла возыскать убытки в ходе предыдущего разбирательства[4].

При устранении неопределенности процессуально договора или восполнении пробелов предпочтение отдается положениям, отвечающим общим целям процессуальных норм: создать наиболее оптимальные условия для справедливого судебного разбирательства; обеспечить равенство сторон в защите позиции; разрешить или урегулировать спор с наименьшими затратами и в более короткие сроки. Исходя из автономии процессуального договора и принципа произвольности в его форме, общего правила определения его содержания, стороны вправе использовать любые доказательства.

Возможность установления содержания процессуального договора с помощью различных средств доказывания ограничивается соображениями экономии и общественного порядка: если полное изучение доказательств несовместимо с ожидаемым благоприятным воздействием предполагаемого процессуального договора или с важностью решенного в нем вопроса, то было бы более уместно отклонить и игнорировать чрезмерно обременительную процедуру рассмотрения это-

го договора. Если в соответствующем процессуальном договоре предусмотрена обязательная письменная форма, применяются положения материального права, запрещающие использование подтверждения сделки и ее условий для декларирования (ст. 162 ГК РФ).

На запрещение любых других доказательств, помимо письменного текста договора, может распространяться оговорка о целостности договора, в которой стороны заявили, что все условия их договора изложены во всей их полноте и только в тексте подписанного ими документа. Оговорка о целостности договора не исключает права сторон на последующие процессуальные соглашения, произвольно заключенные. Таковы основные выводы, к которым пришел автор. Субъективная уверенность в своей правоте, конечно, не исключает возможности других, в том числе и противоположных суждений[3].

Дальнейшее изучение этой темы могло бы быть направлено на уточнение и детализацию принципов договорного регулирования процессуальных отношений, анализ различных видов разбирательств, в частности разбирательств в нетрадиционной категории, таких, как соглашения о порядке и сумме претензий, установление ориентировочного процесса, который распространял бы свои результаты на аналогичные разбирательства, на способ доказывания и распределение бремени доказывания, на время и продолжительность доказывания. место и способ проведения торгов по реализации имущества в ходе исполнительного производства.

Литература

1. Арбитражный процесс: учебник. 4-е издание, переработанное и дополненное / Отв. ред. В.В. Ярков. М: Инфотропик Медиа, 2010. – 880 с. 4.
2. Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 640 с. 6.
3. Власов А.А. Гражданский процесс: учебное пособие. М.: Эксмо, 2015. – 463 с. 18.
4. Гражданский процесс: учебное пособие. Смущкин А.Б., Суркова Т.В., Черникова О.С. М.: Омега-Л», 2007. – 320 с. 29.
5. Давыденко Д.Л. Мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования частноправовых споров (по праву России и некоторых зарубежных стран): дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03./ Давыденко Дмитрий Леонидович.- Москва: 2004. – 257 с. 467 34.
6. Завидов Б.Д. Основные идеи, недочеты и новации общих положений о договоре [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. 2007. 41.
7. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. М.: Статут, 2012. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. – 452 с. 46.

References

1. Arbitration process: textbook. 4th edition, revised and expanded / Resp. the editorship of V. V. Yarkov. M: Infotropic Media, 2010. – 880 p. 4.
2. Asoskov A.V. Conflict regulation of contractual obligations. M.: Infotropic Media, 2012. – 640 p. 6.
3. Vlasov A. A. Civil process: textbook. M.: Eksmo, 2015. – 463 p. 18.
4. Civil process: textbook. Smushkin A. B., Surkova T. V., Chernikova O. S. M.: Omega-L", 2007. – 320 p. 29.
5. Davydenko D. L. Settlement agreement as a means of out-of-court settlement of private law disputes (under the law of Russia and some foreign countries): dis. ... kand. Jus. Sciences: 12.00.03./ Davydenko Dmitry Leonidovich.- Moscow: 2004. – 257 p. 467 34.
6. Zavidov B. D. Main ideas, shortcomings and innovations of the General provisions of the contract [Electronic resource] // ATP Consultant. 2007. 41.
7. Karapetov A. G., Savelyev A. I. Freedom of contract and its limits: in 2 t. M.: Statute, 2012. Vol. 1: Theoretical, historical and political-legal foundations of the principle of freedom of contract and its limitations. – 452 p. 46.

Источники международного гражданского процессуального права

Sources of the international civil procedural law

Плиева Кристина Витальевна

магистрант Северо-Кавказского Горно-Металлургического Института, кафедры предпринимательского и трудового права

Газзаева Мадина Тотрбековна

к.п.н., доцент, кафедра предпринимательского и трудового права

Plieva Kristina Vitalievna, master's student of the North Caucasus Mining And Metallurgical Institute, Department of business and labor law, Gazzaev Madina Turakova, Ph. D., associate Professor, Department of entrepreneurial and labour law

Аннотация: В статье рассматриваются источники международного гражданского процессуального права. В работе автор руководствуется национальным правом государства и нормами международного права, дает сравнительный анализ норм внутреннего права государства и основных положений международного права, регулирующих транснациональные гражданские процессуальные отношения.

Ключевые слова: источник права, международное гражданское процессуальное право, национальное право, международное право, принципы права, законодательство, международный договор, судопроизводство, гражданские процессуальные отношения.

Annotation: This article describes sources of the international civil procedural law. Author operates national law and norms of international law. Author grants the comparative analysis of norms of the national law and international law, regulating transnational civil procedural relations.

Keywords: source of law, international civil procedural law, national law, international law, principles of law, legislation, international treaty, legal proceedings, civil procedural relations.

В этой статье автор дает общее описание источников международного гражданского процессуального права, проводит сравнительный анализ норм национального государственного права и основных положений международного права, касающихся регулирования трансграничных гражданских процессуальных отношений. Вопрос о правовых источниках является одним из наиболее актуальных и наиболее востребованных. Способность быстро и однозначно определять, какие правовые документы применяются к делу, имеет важное

значение для каждого адвоката.

Приобретение такого потенциала в области международного Гражданского процессуального права усугубляется наличием в нем источников и коллизий правовых норм. Источниками международного гражданского процессуального права являются:

- национальное законодательство государства в форме специальных процедурных норм, которые специально разработаны для регулирования отношений, затрагиваемых иностранным элементом;

- международное право, в котором подчеркиваются общепризнанные принципы и нормы, закрепленные в международных договорах, которые прямо касаются регулирования гражданских отношений, трансграничная процедура[1].

В целом национальное право государства считается основным источником международного гражданского процессуального права. Что касается процедуры как внутренней функции государственной власти, то автор отмечает, что эта деятельность регулируется законодательством соответствующего государства. В связи с этим предусмотрено положение российского законодательства, согласно которому вопросы с участием иностранных граждан обсуждаются в целом, если иное не предусмотрено законом или международным договором.

Нормы внутреннего права, специально предназначенные для регулирования трансграничных гражданских промышленных отношений в различных статьях процессуального кодекса, а также в других нормативных актах, в частности в законах о международном частном праве.

В законодательстве Российской Федерации нормы,

относимые к международному гражданскому процессуальному праву, концентрируются в особых разделах Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. (разд. V Производство по делам с участием иностранных лиц, ст. 398–427) и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. (разд. V Производство по делам с участием иностранных лиц, ст. 247–256; гл. 31).

Производство по делам о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений, ст. 241–246). В праве Франции норм, касающихся международного гражданского процесса, сравнительно немного, и они не концентрируются в каком-либо разделе одного закона. Так, компетенция французских судов в отношении споров с участием французских граждан устанавливается в ст. 14 и 15 Гражданского кодекса 1804 г. (*Code civile*).

К определению процессуальной правоспособности и дееспособности иностранцев применима ст. 117 Нового гражданского процессуального кодекса (*Nouveau Code de Procedure Civile*) (далее – НГПК Франции). Исполнению иностранных судебных решений посвящена отдельная глава НГПК Франции (ст. 509-509-7). В законодательстве Германии, по сравнению с Францией, вопросам международного гражданского процесса уделено больше внимания, однако и здесь соответствующие нормы не систематизированы и не выделяются в какой-либо раздел закона.

Например, подсудность дел с иностранным элементом определяется на основании норм территориальной подсудности § 12 Гражданского процессуального уложения от 30 января 1877 г. (*Zivilprozessordnung*). Этот закон также регулирует положение иностранцев в процессе (§55, 110); доставку документов за границей (§183); установление содержания иностранной правовой нормы (§293); признание решений иностранного суда (§328); исследование доказательств за границей (§363); статус иностранных официальных документов (§438); международную подсудность брачных дел (§606a); исполнимость решений иностранных судов (§722).

В Швейцарии трансграничные гражданские процессуальные отношения регулируются главным образом Федеральным законом Швейцарии «О международном частном праве» от 18 декабря 1987 г. (*Bundesgesetz über das Internationale Privatrecht*). В нем имеются положения, определяющие компетенцию судов в Швейцарии (ст. 2–12), порядок установления содержания иностранного закона (ст. 16), признание и исполнение иностранных решений (ст. 25–32). Нормы международного гражданского процесса содержатся также в Федеральном законе о федеральном гражданском процессе от 4 декабря 1947 г. (*Bundesgesetz über den Bundeszivilprozess*) (например, абз. 2 ст. 11 – публичное вручение судебного документа адресату, находящемуся за границей, ст. 39 – исследование доказательств за пределами Швейцарии) и гражданских процессуальных кодексах кантонов.

Так, Гражданское процессуальное уложение от 18 декабря 1984 г. кантона Аргау (*Zivilprozessordnung*) содержит положения об оказании правовой помощи иностранным судам (§46), о доставке документов лицу, проживающему за границей (§93–94), об исполнении

иностранных судебных решений (§ 424). В Италии, как и в Швейцарии, основная часть норм международного гражданского процессуального права содержится в отдельном нормативном акте – Законе «Реформа итальянской системы международного частного права» от 31 мая 1995 г. (*Riforma del sistema italiano di diritto Internazionale privato*).

В нем имеются положения об итальянской юрисдикции (ст. 3–12), установлении содержания иностранного права (ст. 14), исполнении иностранных судебных решений и правовых актов, включая запросы об исследовании доказательств (ст. 64–71). В Соединенном Королевстве наблюдается многообразие источников регулирования трансграничных гражданских процессуальных отношений, что обусловлено, во-первых, существованием в этом государстве трех автономных территорий, каждая из которых (Англия вместе с Уэльсом, Шотландия и Северная Ирландия) обладает собственной судебной системой и особыми правилами судопроизводства; во-вторых, традициями прецедентного права.

Среди законов, которые можно отнести к источникам международного гражданского права, следует назвать Закон об иностранных судебных решениях (взаимное приведение в исполнение) (*Foreign Judgments (Reciprocal Enforcement) Act*) 1933 г., Закон о гражданской юрисдикции и судебных решениях – (*Civil Jurisdiction and Judgments Act*) 1982 г., Закон о государственном иммунитете (*State Immunity Act*) 1978 г. Соответствующее регулирование осуществляют и Правила гражданского судопроизводства (*Civil Procedure Rules*) 1998 г., вступившие в силу 26 апреля 1999 г. В них, среди прочего, содержатся положения о вручении документов английских судов за границей и документов иностранных судов на территории Англии (ч. 6); об оспаривании юрисдикции (ч. 11); о выполнении поручений иностранных судов об исследовании доказательств (ч. 34); об исполнении иностранных судебных решений (ч. 74).

При описании источников Национального государственного права автором на примере отдельных стран проведен сравнительный анализ различных правовых систем с целью выяснения особенностей каждой национальной правовой системы и изучения наилучших подходов к регулированию трансграничных гражданских отношений.

Международно-правовые источники регулирования трансграничных гражданских правоотношений можно разделить на:

- общепризнанные принципы международного права;
- международный договор.

1. Общепризнанные принципы международного права. Общие международно-правовые принципы, такие как руководящие принципы межгосударственных отношений, служат основой для решения многих проблем, возникающих при применении трансграничных процедур. Наиболее важными в этом отношении являются: принцип всеобщего уважения прав человека, принцип суверенного равенства государства, судебный иммунитет государства, его дипломатических и консульских представителей[2]. По мнению автора, эти принципы можно считать основополагающими для

международного Гражданского процессуального права.

2. Международные договоры позволяют государству самостоятельно, в рамках своего законодательства, эффективно регулировать трансграничные гражданские отношения вне сотрудничества с другими странами. Роль международных договоров в международном гражданском процессе существенно возросла в последние десятилетия. В отличие от общепризнанных международно-правовых принципов, они содержат более конкретные положения, которые, будучи преобразованы во внутреннее право или нормы прямого действия, применяются судьями и другими должностными лицами, равно как и нормы национального права.

Посредством международных договоров разрешаются коллизии публичного права, возникающие при отправлении правосудия государства; повышается эффективность правового регулирования материальных отношений; обязательства по сделкам с иностранным партнером гарантируются реальной судебной защитой; кредитор имеет возможность привлечь к ответственности недобросовестного должника, который, пытаясь уйти от ответственности, перемещает или перемещает свои активы за границу.

Межгосударственные договоры о гражданском процессе новой эры появились в 17 веке, но первые крупные многосторонние договоры были заключены в Монтевидео 12 февраля 1889 года и в Гааге 14 ноября 1896 года. Первая и Вторая Мировые войны препятствовали развитию международного сотрудничества. Его возобновление во второй половине 20 века было плодотворным. В настоящее время существует ряд многосторонних договоров и большое число двусторонних договоров (конвенций), полностью или частично касающихся гражданского процесса.

Международные договоры подразделяются на многосторонние и двусторонние соглашения. Они могут затрагивать многие вопросы международного гражданского процесса или ограничиваться одним или несколькими из них. Вопросы международного процесса могут быть основным или дополнительным объектом договора.

В этой статье автор характеризует один из наиболее важных международных договоров. Самым известным из них является Гагская конвенция от 1 марта 1954 года «О гражданском судопроизводстве». Это пересмотр Гагской конвенции 1905 года, которая, в свою очередь, вытекает из Гагского договора от 14 ноября 1896 года о международном частном праве и Дополнительного протокола от 22 мая 1897 года. Конвенция регулирует уведомление о судебных и внесудебных документах, предоставление правовой помощи, освобождение от залога для покрытия судебных издержек, условия предоставления бесплатной юридической помощи, а также запрет на заключение под стражу за долги и исполнение судебных решений о возмещении судебных издержек и расходов.

Автор считает необходимым упомянуть о других Гагских конвенциях: Конвенция о получении доказательств за границей по гражданским и торговым делам от 18 марта 1970 г.; Конвенция о международном доходе к правосудию от 25 октября 1980 года; Конвенция

о доставке за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым от 15 ноября 1965 года; Конвенция об отмене легализации иностранных официальных документов, 5 октября 1961 года [5]. В рамках Содружества Независимых Государств, соглашение Киева о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 года, Минской Конвенции " о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года; Конвенция Кишинева о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 года. Минская и Кишиневская конвенции являются частью широкого круга международных договоров, регулирующих широкий круг международных гражданских процессов [6].

Отношения Российской Федерации со многими государствами регулируются двусторонними договорами о правовой помощи, в частности: с Арабской Республикой Египет от 23 сентября 1997 г.; Исламской Республикой Иран от 5 марта 1996 г.; Республикой Молдова от 25 февраля 1993 г.; Латвийской Республикой от 3 февраля 1993 г.; Эстонской Республикой от 26 января 1993 г.; Азербайджанской Республикой от 22 декабря 1992 г.; Республикой Кыргызстан от 14 сентября 1992 г.; Литовской Республикой от 21 июля 1992 г.

Цель договоров о правовой помощи является обеспечение взаимного признания и соблюдения имущественных и личных прав граждан одного государства на территории другого [7]. Достижения западноевропейских стран в области единообразного управления гражданскими процедурами значительны. Первым шагом в этом направлении стала брюссельская Конвенция Европейского Союза (далее ЕС) от 27 сентября 1968 года о юрисдикции и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам. Она установила единые правила определения юрисдикции в случаях, когда иностранный элемент существует, существенно упростила процедуру признания и приведения в исполнение актов, принятых судами одного государства-участника на территории другого государства-участника [8].

Последующая экономическая интеграция стран ЕС требует адекватного совершенствования механизма транснационального уголовного преследования. Международный договор как источник регулирования трансграничных процедур в соответствии со статьями 61 и 65 Договора о Европейском сообществе заменяется правилами институтов Европейского Союза, так называемым вторичным правом ЕС. Учитывая многолетний опыт применения брюссельской Конвенции, был разработан и утвержден Регламент Совета ЕС от 22 декабря 2000 года. Нет. 44 / 2001 (вступил в силу 1 марта 2002 года) о юрисдикции и признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам. Постановление, сохранив многие положения брюссельской Конвенции, внесло поправки в правила международной юрисдикции, упростило условия признания и приведения в исполнение судебных решений. В отношениях между странами Европейского Союза регламент заменил собой применение брюссельской Конвенции (статья 68 регламента). Следующим значитель-

ным упрощением исполнительного производства стало постановление ЕС от 21 апреля 2004 года. № 805/2004 о Европейской исполнительной ведомости по неоспоримым требованиям.

Другими важными элементами правовой системы, созданной в соответствии со статьей 65 договора Европейского сообщества для судебного преследования частных лиц, обремененных иностранным элементом, являются:

- Регламент Совета ЕС от 29 мая 2000 г. № 1346/2000 о производстве по делам о несостоятельности;
- Регламент Совета ЕС от 29 мая 2000 г. № 1347/2000 о компетенции, признании и исполнении постановлений по брачным делам и в производствах, касающихся родительской ответственности супругов за совместных детей;
- Регламент Совета ЕС от 28 мая 2001 г. № 1206/2001 о сотрудничестве между судами государств членов в области собирания доказательств по гражданским и торговым делам;
- Регламент Совета ЕС от 29 мая 2000 г. № 1348/2000 о вручении судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам;
- Директива Совета ЕС от 27 января 2003 г. № 2002/8/ ЕС об улучшении доступа к правосудию в трансгра-

ничных спорах, возникающих в гражданских и торговых правоотношениях. В ней установлены общие предписания об условиях и порядке предоставления льгот по судебным расходам для малоимущих физических лиц.

Автор отмечает, что эти льготы должны предоставляться независимо от гражданства участника процесса (абз. 13 Преамбулы, ст. 4 Директивы).

В этой связи автор, подводя итог, отмечает, что на международном уровне существует ряд положений, касающихся международного гражданского процесса.

Вопрос о том, какой из них будет применяться, решается на основе приоритета специального правила по общему правилу, правила мудрости по сравнению с предыдущим, учитывая масштабы этих действий по теме, людям, пространству и времени. Автор приходит к выводу о том, что источники международного гражданского процессуального права, а также источники частного международного права имеют двойной характер: они имеют как национальное, так и международное правовое происхождение. Консолидация норм международного гражданского процессуального права в национальных и международных правовых документах также свидетельствует о сложном характере этого юридического учреждения.

Литература

1. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: Учебник. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – С. 418-419.
2. Дробязкина И.В. Международный гражданский процесс: проблемы и перспективы. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – С. 20.
3. Елисеев Н.Г., Вершинина Е.В. Международное гражданское процессуальное право: Учебное пособие. – М.: Проспект, 2011. – С. 20.
4. Международное частное право: Учебник/М.М. Богуславский. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – С. 571.
5. Нешатаева Т.Н. Международный гражданский процесс. М., 2001. – С. 28.
6. Шак Х. Международное гражданское процессуальное право. М., 2001. – С. 27, 48-51. Юрова Н.М. Международное гражданское процессуальное право: теоретические основы имплементации норма в правовой системе Российской Федерации. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 97-98.
7. Der Internationale Rechtsverkerrin Zivil- und Handelssachen//Bulow A., Bockstiegel K.-H., Geimer R., Schutze R. Band I. Munchen:Verlag C.H.Beck, 1998. S. 100-1.

References

1. Getman-Pavlova I.V. International private law: Textbook. – M.: Publishing house Eksmo, 2005. – P. 418-419.
2. Drobzyazkina I.V. International civil process: problems and prospects. – SPb.: R. Aslanov's publishing house «Legal Press center», 2005. – P. 20.
3. Yeliseyev N.G., Vershinina E.V. International civil procedural law: Text edition. – M.: Prospect, 2011. – P. 20.
4. International private law: Textbook/M.M. Boguslavsky. – 6. – M.: Norm: INFRA-M, 2011. – P. 571.
5. Neshatayeva T.N. International civil process. – M., 2001. – P. 28.
6. Shakh H. International civil procedural law. – M., 2001. – P. 27, 48-51.
7. Yurova N. M. International civil procedural law: theoretical bases of an implementation provision in legal system of the Russian Federation. – M.: Volters Kluver, 2010. – P. 97-98.
8. The international legal relations in civil and commercial law//Bulow A., Bockstiegel K.-H., Geimer R., Schutze R. Band I. Munchen:Verlag C.H.Beck, 1998. P. 100-1.

Анализ существующих проблем в сфере организации перевозок школьников

Солодовченко Ирина Юрьевна

Старший преподаватель каф. Организации перевозок и дорожного движения
Донской государственной технической университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Чэнь Цзывэй

магистр кафедры Организации перевозок и дорожного движения
Донской государственной технической университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация Современная тенденция увеличения подвижного состава автотранспортных средств в мировом масштабе обусловлена процессами социально-экономического характера: глобализацией, интеграцией, мобильностью, диверсификацией. Роль транспорта в обеспечении безопасности и комфортности доставки школьников к местам получения знаний в Китае обусловлена ростом требований к системе образования КНР в целом. Перевозка школьников автобусами связана с повышенной ответственностью перевозчиков. Существуют жесткие нормативные требования, которые предъявляются к автобусу, водителю и самому процессу перевозки.

Система школьных перевозок относится к системно-технологическому комплексу: целостная система технического назначения, которая требует системного подхода для решения задач ее анализа и синтеза.

Под целостной системой при этом понимается совокупность компонентов, взаимодействие которых порождает новые качества, не присущие образующим ее компонентам, основная цель которого при эффективном взаимодействии транспорта и обслуживающего персонала сократить временные и ресурсные издержки, относящиеся к ее различным компонентам

Ключевые слова: проблема, школьник, перевозки школьников, автотранспортные предприятия, городской комплекс, пассажирский транспорт в Китае

Школьное образование в Китае предполагает обучение на протяжении 12 лет. В него включены три ступени. Начальная школа 6-11 лет, неполная средняя школа с 12 до 14 лет, полная средняя школа (не обязательная)

с 15 до 18 лет. Школьное образование в Китае предполагает 5-дневную учебную неделю. Обычно дети учатся до 4 часов дня. Образование в Китае находится под бдительным контролем государства. Все школы имеют государственное финансирование.

Школьные перевозки в КНР это организованные перевозки учащихся, не относящиеся к перевозкам общего пользования: доставка учащихся в образовательные учреждения, развоз учащихся по окончании занятий, специальные перевозки групп учащихся при организации экскурсионных, развлекательных, спортивных и иных культурно-массовых мероприятий.

Основными задачами по обеспечению безопасности перевозок школьников автобусами является организация перевозочного процесса по технологии обеспечивающей безопасные условия перевозок с наименьшими затратами времени и с максимальными удобствами.

Перевозка школьников автобусами до школы и назад – востребованная услуга, особенно когда до школы ученику порой приходится добираться на нескольких транспортных средствах [1].

Возьмем Пекин в качестве примера. Согласно статистическим данным Пекинской муниципальной комиссии по образованию, в Пекине насчитывается 1142 начальные школы, в которых обучается 634 000 школьников. Среди них 577 начальных школ, расположены в городе.

В данных учебных заведениях насчитывается 381 000 школьников, что составляет 60% от общего числа учащихся начальной школы столицы КНР. В учебные заведения обучающиеся попадают на школьном автобусе или личном транспорте. Доля поездок в школу на

собственном автомобиле с каждым годом увеличивается. Из-за большого количества школьников, пользующихся ежедневно транспортом возникают определенные сложности, в частности весьма плотный поток автомобильного транспорта снижает среднюю скорость школьного автобуса, увеличивает время перевозок, ухудшает условия движения транспорта и увеличивает вероятность возникновения дорожно-транспортного происшествия. [2]

Отметим, что в данной ситуации качество обеспечения безопасности перевозок учащихся не может быть гарантировано. В целях улучшения условий движения школьных перевозок и повышения уровня безопасности в Китае был обнародован «Седьмой фазовый план работы по сокращению заторов в Пекине». В документе даются рекомендации по проведению мониторинга организации перевозочного процесса по технологии обеспечивающей безопасные условия перевозок детей и школьников, а также качественному обследованию школьных маршрутов, включая анализ распределение места жительства учеников, расстояния поездки, структуры подвижного состава и мнения родителей о качестве предоставляемых транспортных услуг.

В свою очередь также необходимо скорректировать вопросы по паспортизации маршрутов, их регулярному обследованию, обеспечению профессиональной надёжности водителей автобусов, организации технического обслуживания и ремонта автобусов.

Задачи маршрутизации необходимо решать с уче-

том соблюдения трех условий:

- ✓ определение числа и рационального расположения остановочных пунктов;
- ✓ «закрепление» учащихся за остановочными пунктами;
- ✓ минимальный пробег по маршруту.

С разнообразием путей подвоза детей в учебные заведения выявилась необходимость более точной разработки маршрутов следования школьных автобусов. Учитывая, что в пути следования могут произойти непредвиденные задержки из-за транспортных заторов, ухудшения погодных условий и другие форс-мажорные обстоятельства, которые приведут к опозданию, возникает потребность в оснащении навигационной системой, с помощью которой водитель будет получать информацию о пробках, авариях, объездах и погоде.

В связи с большим объемом необходимых расчетов встает вопрос о создании программного обеспечения способного помочь в решении поставленной задачи выбора рационального маршрута в системе школьных перевозок. Для этих целей предлагается использовать критерии рационального выбора школьного маршрута представленные на рисунке 1, которые позволяют уже на стадии проектирования процесса перевозки школьников до мест обучения, сформулировать основные условия организации эффективного функционирования системы школьных перевозок и возможные направления повышения ее эффективности.

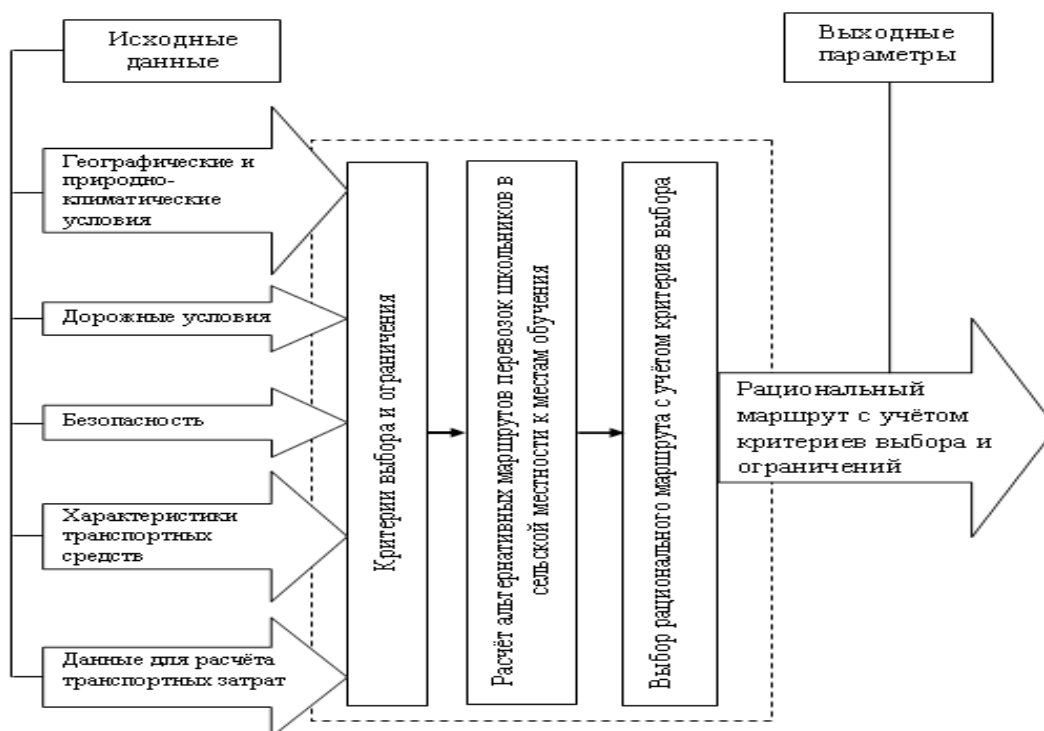

Рисунок 1- Критерии выбора рационального маршрута

Отметим, что существующая система перевозок школьников основана на том, что практически все функции по организации процесса перевозок возложены на систему образования – от региональных и местных органов власти до непосредственно образовательных учреждений. Однако большинство функций процесса организации перевозок школьников могут быть выполнены качественно только автотранспортными организациями.

Анализ существующих проблем в сфере организации перевозок школьников в Китае позволил выделить следующие наиболее типичные организационно-технологические; законодательные; экономические и связанные с обеспечением безопасности перевозок проблемы [7].

Наиболее очевидными проблемами являются не редкие поломки автобусов и нарушения правил безопасности движения водителями из-за отсутствия постоянного контроля. Также отметим, в отдельных случаях довольно низкую профессиональную компетентность и профессиональную пригодность водителей.

Техническое обслуживание и технический осмотр автобусов не организованы или организованы с нарушением установленных требований. Часто предрейсовые и послерейсовые медицинские осмотры водителей ТС проходят с нарушениями.

Необходимо указать и на нарушение требований по обеспечению БДД юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями при осуществлении ими деятельности, связанной с эксплуатацией ТС, в частности имеются случаи отсутствия ответственного лица за обеспечение безопасности перевозок и/или не аттестованы специалисты, обеспечивающие БДД, не качественно организован учет и анализ ДТП, нарушений водителями требований безопасности дорожного движения, нарушение оформления путевой документации и графиков работы водителей (что ведет к нарушению режима труда и отдыха).

В экономическом аспекте вопроса организации перевозок школьников существуют трудности, связанные с отсутствием технических мощностей. Школьные автобусы, как и любое транспортное средство, необходимо поддерживать в исправном техническом состоянии, но из-за отсутствия гаражей и специализированных кадров это невозможно сделать.

Некоторые проблемы возможно решить путем заключения соглашения с пассажирским автотранспортным предприятием (ПАТП), которое выполняло бы предусмотренные регламентом ежедневный осмотр (ЕО), технические осмотры (ТО-1, ТО-2) и ремонт транспортного средства; организовывало бы стоянку транспортного средства; осуществляло бы стажировку, предрейсовый и послерейсовый медицинский осмотр водителя, другие технические составляющие, связанные с организацией перевозок [4].

Однако для этого необходимо, чтобы данное предприятие находилось в радиусе 5–10 км от действующей школы. В противном случае, единственным вариантом остается создание гаража в непосредственной близости от действующей школы, который должен иметь оборудование для проведения ЕО и ТО-1. Иное техническое обслуживание, не требующее частого проведения (ТО-2, капитальный ремонт т.д.), но для которого необходимо сложное оборудование и значительные затраты времени возможно проводить в ПАТП. Но для выполнения указанного решения требуется финансирование и существенное увеличение бюджета либо снижение налоговой нагрузки на ПАТП, дабы заинтересовать коммерческую автотранспортную организацию.

Найти такую автотранспортную организацию, удовлетворяющую всем требованиям и условиям школьных перевозок довольно сложно. Первый вопрос, возникающий при выборе такой организации – должно это быть ПАТП или специализированная организация, создаваемая для перевозки школьников, как это предусмотрено Концепцией организации перевозок групп детей автобусами. Второй вопрос – какой формы собственности должно быть такое предприятие – муниципальное или частное.

Учитывая географические особенности Китая и удаленность в некоторых районах школ друг от друга, полагаем, что в большинстве случаев эффективным будет привлечение к перевозке учащихся существующих ПАТП.

При организации школьных перевозок необходимо учесть существенный простой транспортного средства. В течение суток школьный автобус делает всего два-три рейса, длительность одного в среднем составляет один час, таким образом, всего в среднем три часа.

Остальное время транспорт простаивает на стоянке, в редких случаях на нем устраиваются экскурсионные поездки. Естественно, у персонала школы, как непосредственно связанного с перевозками школьников, так и не очень, возникает желание заполнить данный простой автобуса иными перевозками (необязательно в личных интересах) не по назначению. Укажем также и на постоянный рост цен на ГСМ и в соответствии с этим дефицит денежных средств на их приобретение [2].

Проблема осуществления подвоза учащихся к месту учёбы, месту проведения культурных и спортивных мероприятий и обратно, в Китае остаётся достаточно актуальной, так как решение проблемы носит комплексный характер. Совершенствование организации подвоза учащихся в образовательные учреждения возможно лишь при решении ряда задач, связанных с обеспечением безопасности подвоза обучающихся, при условии законодательного сопровождения, нормативно-правового регулирования деятельности, совершенствования профессионально-кадрового состава ответственных за обеспечение безопасного подвоза обучающихся

Список литературы

1. Горев, А.Э. Организация автомобильных перевозок и безопасность движения: Учебное пособие / А.Э. Горев, Е.М. Олещенко. — М.: ИЦ Академия, 2012. — 256 с.
2. Гудков, В. А. Пассажиры автомобильные перевозки: учебник для вузов / В. А. Гудков. — М.: Горячая линия – Телеком, 2016. — 448 с.
3. School Bus Safety and the Protection of Children's Rights and Interests: A Perspective of Child Welfare - WU Peng-fei - "Journal of Yunnan Administration Institute"
4. Троицкая Н.А, Чубуков А.Б. Единая транспортная система: Учебник для вузов. — М.: Academia, 2017. - 288с.
5. LvShen. Metropolitan theory and method of planning transport of passenger transport [D]. Nanjing: Southeast University, 2015.
6. Huang Zhigang, Rong Chaohei. Problems and analysis of the Beijing urban passenger transport hub. Beijing: School of Economics and Management, Peking University Jiaotong, 2008.
7. Study on the Linking Mode of Large-scale Railway Passenger Transport Hub with Neighboring Transportation System [D]. Hu Hao. Nanjing Forestry University 2016.

Использование информационных технологий в дорожном движении в Китае

Феофилова А.А.

доцент кафедры Организации перевозок и дорожного движения, к.т.н.
Донской государственной технической университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Лю На

магистр кафедры Организации перевозок и дорожного движения
Донской государственной технической университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Знаки переменной информации (ЗПИ) и дорожное информационное табло (ДИТ) играют важнейшую роль в организации безопасности движения.

Ключевые слова: ИТС, Знаки переменной информации (ЗПИ), дорожное информационное табло (ДИТ)

Развитие интеллектуальной транспортной системы Китая имеет более чем 20-летнюю историю, где можно выделить три этапа:

1973 – 1984 гг разработка собственных технологий управления и мониторинга дорожного движения.

1984 – 1993 гг создание собственной автоматизированной системы управления дорожным движением.

1993 – 2000 гг разработка и внедрение современной интегрированной системы управления движением, включающей не только подсистемы мониторинга дорожного движения и телевизионного мониторинга, но и статическую и геоинформационную подсистемы.

После 2000 года резкий рост экономики Китая вызвал ухудшение состояния дорожного движения в крупных городах. Что и явилось поводом для внедрения интеллектуальной транспортной системы (ИТС). Возможность развития интеллектуального транспортного рынка Китая также было обусловлено проведением таких крупных мероприятий как Олимпийские игры в Пекине, Азиатские игры в Гуанчжоу и Шанхайская международная выставка [2, 3, 5].

С каждым годом из-за увеличения количества ав-

томобилей движение на дорогах становится все более интенсивным, а значит и более сложным для водителя. В настоящее время на автомобильных дорогах мире все чаще встречаются современные дорожные знаки и табло, основная задача которых, удаленное управление транспортным потоком, своевременное информирование водителей транспортных средств о возникающих ситуациях на автомагистрали, а также повышение безопасности в организации дорожного движения [1].

Создание и внедрение современных дорожных знаков и табло (ЗПИ и ДИТ) в Китае началось в 2000 году. К концу 2011 года в Пекине было установлено более 400 ЗПИ и ДИТ, главным образом на скоростных и магистральных дорогах центральных районов (Dongcheng, Xicheng, Haidian, Chaoyang, Shijingshan, Fengtai). В Шанхае, по состоянию на февраль 2012 года, на скоростной автомагистрали было установлено 90 ЗПИ и ДИТ, из которых 80 установлены на скоростной автомагистрали. В Гуанчжоу к 2015 году установлено 280 ЗПИ и ДИТ. В Сиань - 55 ЗПИ и ДИТ; в Ханчжоу насчитывается 50 ЗПИ и ДИТ, 125 ЗПИ и ДИТ расположено в Ухане и 51 ЗПИ и ДИТ в Шэньчжэне.

В Пекине и Гуанчжоу информация о маршрутах следования на ДИТ представлена красными, желтыми, зелеными цветами с интервалом обновления, составляющим 2 минуты. Для отображения информации о ДТП используется, как правило, текст (рис. 1).

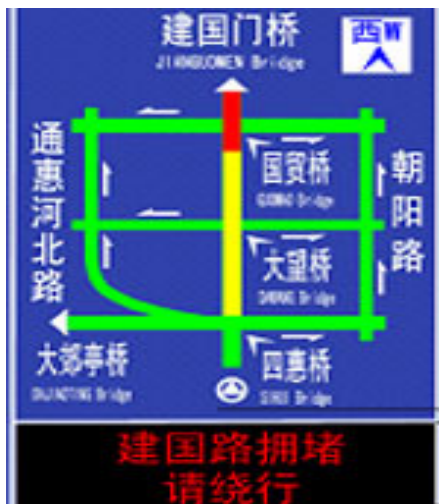

Рис 1. Пример ДИТ в Пекине и Гуанчжоу

В Шанхае на ДИТ для передачи информации также используются графические символы, цвет и текст. Цвет применяется для передачи сведений о состоянии дорожного движения (от красного к зелёному), информация по организации дорожного движения, как правило, передается в текстовом виде (рис. 2).

Рис 2. Пример ДИТ в Шанхае

Проведенный обзор по использованию современных дорожных знаков и табло в Китае указывает на то, что многие из них установлены на городских дорогах и графически отражают дорожные условия в красных, желтых и зеленых цветах, а информацию о событиях и метеорологических условиях выдают в виде текстов. Применение ЗПИ и ДИТ на скоростной автомагистрали пока еще не распространено, и в большинстве случаев используются для представления рекламной и метеорологической информации. Ситуация осложняется отсутствием единого стандарта формы вывода информации на современные дорожные знаки и табло [4].

Список литературы

1. Т.И. Михеева, А.А. Осьмушин, С.В. Михеев Система диспетчерского контроля и управления транспортным потоком светодиодными дорожными знаками // Перспективные информационные технологии в научных исследованиях, проектировании и обучении. - 2012. - С. 239-242.
2. Chien-JungLai Drivers' comprehension of traffic information on graphical route information panels // Accident Analysis & Prevention. - 2012. - №Volume 45. - pp. 565-571.
3. Chien-Jung Lai Effects of color scheme and message lines of variable message signs on driver performance // Accident Analysis and Prevention. - 2010. - №42. - pp 1003-1008.
4. Guan Jizhen, Zheng Changqing, Zhu Xueliang, LIU Jinkun, Wang Yisheng, Qiao Liang, Ji Yanling VMS Release of Traffic Guide Information in Beijing Olympics // Journal Of transportation systems engineering and information technology. 2008. №8(6). pp. 115-120.
5. Tay Richard, Choi Jaisung Evaluation of Pictograms in Dynamic Lane Control Systems in the Republic of Korea // Journal of transportation systems engineering and information technology. - 2009. - №9(2). - pp. 56-61.

Improving the mechanisms for managing multi-sectoral farms in the development of the agrarian sector

Boltaev N.Sh.

Xajieva Z.B.

Tashkent State Agrarian University

Annotation. *At present, the issues of improving the management system of multi-sectoral farms, the main product producers, increasing the efficiency of production, the competitiveness of their products, and their organizational-legal support are studied.*

Key Words: *multidisciplinary farming, management, productivity, product, competition, production, productivity, perfection.*

The country's agrarian and phased implementation of reforms has provided a solid foundation for sustainable development of the sector. Establishment of multistage farms, creating necessary conditions for them, implementing necessary measures to protect the rights and legitimate interests of farmers and dehkans, strengthening the self-governing process of farmers and, thus, raising agricultural efficiency to a qualitatively new level. In order to protect the rights and legitimate interests of farmers, dehkan farms and landowners on October 9, 2017, the President of the Republic of Uzbekistan, Exemption efficient use of the system UP-5199 "On measures to improve the number was issued. In order to increase the efficiency of farm activities, their land areas have been optimized for 2017-2018, and nowadays there are more than 153 thousand farms in Uzbekistan, of which over 96,000 multi-sector farms are functioning. In order to deepen reforms in agriculture, to support the farmers' movement, to strengthen their material and financial base, to provide them with a wider range of opportunities, to create new incentives and opportunities, in short, emerging property relations in the village, new middle class - owners, entrepreneurs and The protection of the interests of business people is of great importance today.

The development of multi-sectoral farms, along with their positive results, requires the development and management of production processes in such farms, based on their coverage, and addressing some of the problems and shortcomings that arise in this regard. For this reason, when formulating a management mechanism in multi-sector farms, it is essential to create management based on economic mechanisms, and hence farm managers have to formulate a perfect business plan, allocate the workforce with clearly defined functional responsibilities of the employees and ensure their participation in farm management, economic relations with targeted lending and repatriation, processing and service companies are mutually beneficial it must be settled.

The formation of a multidisciplinary farming team will be carried out in several stages. The first stage of the formation of the working team is carried out by the head of the farm. At the same time, it manages the managing director himself. When selecting the right managers and managing the production processes, the initial stage is likely to be successful, and the next steps that ensure the number and quality of production will have its effect. These processes are primarily related to the size of the farm, its specialization, the number of industries, the product range, the level of knowledge of the workforce, and the knowledge, skills and personal qualities of the employed personnel. The smaller number of farms (less than 100 hectares of irrigated land area), the productivity of which does not exceed two types (cotton, grain, vegetable), has less time to form all types of infrastructure involved in agriculture, livestock breeding and other types of resources. The formation of a working team at a farm requires more time and resources.

In addition, the growing demand for various services

in farms today should be reflected in the process of economic relations between farmers, legal entities and government agencies (tax, procurement, etc.) in the process of legal, economic and financial relations management. If we take a closer look, the multi-sectoral farming management system differs greatly from simple farming management systems. In multi-sectoral farming, the management system, besides the characteristics typical for private farms, requires additional and more developed subsidiaries to be maintained and maintained by the main sector. Additionally, the effectiveness of the management system in multidisciplinary farming managers and professionals will need to be operated promptly and effectively, depending on the context of their operations. It is important for farmers to have the right to independently determine the distribution of crops in agrotechnological processes and

product sales channels. Thus, management efficiency in multidisciplinary farms can be achieved through coordination and complex set of issues in various directions

and complex problems. For example, due to adaptation of farming and livestock farming, livestock production will be improved, as well as improving the productivity of plants.

It also requires a comprehensive learning and planning of multidisciplinary farming entities that affect their performance. The problems that arise as a result of a lack of adequate functioning or the impact of a factor in the farming business should be resolved at the expense of the independent own resources of the farm. In this respect, management will cover not only the production, but also many aspects of manufacturing, processing, selling, refurbishing equipment and machinery used for financing, financing, repayment and repayment.

In other words, it is a prerequisite for a gradual evolution and systematic improvement of the multi-sectoral farming management system. This improved agricultural management system has had a positive impact on the development of the industry and ensures a consistent increase in the quality of production and production.

References

1. The new edition of the Law of the Republic of Uzbekistan "On farming". T., August 26, 2004.
2. The Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated October 9, 2017 "On Measures to Maintain the Rights and Legitimate Interests of Farm Owners, Farm Owners and Effective Use of Agricultural Plants", PF-5199.
3. Mamarasulov H.G., Kholmiraev I.A., Askarov N.N. "Privileges on issues of establishment and development of multistage farming enterprises" Practical guide T., 2016, page 26.
4. www.lex.uz

Уважаемые читатели!

Если Вас заинтересовала какая-то публикация, близкая Вам по теме исследования, и Вы хотели бы пообщаться с автором статьи, просим обращаться в редакцию журнала, мы обязательно переправим Ваше сообщение автору.

Также приглашаем Вас к опубликованию своих научных статей на страницах других изданий - журналов «Научная перспектива», «Научный обозреватель», «Журнал научных и прикладных исследований».

Наши полные контакты Вы можете найти на сайте журнала в сети Интернет по адресу www.naukarus.ru. Или же обращайтесь к нам по электронной почте mail@naukarus.ru

С уважением, редакция журнала.

Издательство «Инфинити».

Отпечатано в типографии «Принтекс». Тираж 500 экз.

Цена свободная.